

Андрей Юрьевич Ерпылев
Осколок империи
Серия «Запределье», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624615
Запределье. Осколок империи [роман] / Андрей Ерпылев: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-070714-0, 978-5-271-31525-1*

Аннотация

Гражданская война была проиграна Белой Гвардией окончательно и бесповоротно. Немногим выжившим предстояли долгие скитания на неласковой для русского человека чужбине, вдали от накрытой кумачовым стягом Родины, проклявшей и забывшей своих сыновей.

Но что, если нескольким патриотам удалось возродить осколок Империи в чужом, параллельном нашему, мире, который словно застыл во времени много веков назад? Здесь чистый воздух и девственная природа. Здесь водятся животные, которых давно считают вымершими. Здесь недра по-прежнему хранят все свои богатства. Здесь – Запределье...

Содержание

Пролог	4
Часть 1	7
1	7
2	14
3	20
4	24
5	29
Часть 2	34
1	34
2	40
3	47
4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Ерпылев

Осколок империи

Пролог

Саша изо всех сил вжимался в ледяной склон окопа, твердя про себя, что все происходящее вокруг – лишь сон и ничего общего с реальностью не имеет. Весь этот тысячеголосый вопль, взрывы, стоны, выстрелы, яростный мат, сливающиеся в один рокошущий грохот, ему лишь кажутся, как и стылая глина окопа, ядерный, ни на что не похожий настой, тоже смешанный из множества компонентов, среди которых запахи сырой развороченной земли, крови и пороха – самые безобидные...

– Чего припух, мать твою так и разэтак! – раздалось над ухом, чья-то сильная рука яростно встряхнула Сашу, выдернула из уже казавшейся уютной и родной ямки, и, развернув лицом к УЖАСУ, ткнула в сиротливо лежащую на бруствере винтовку, прямо в присыпанный охрянными кусочками приклад. – Под трибунал захотел? Стреляй, давай, тудыть твою растудыть! Не видишь – прут гады напролом!

Неведомый «благодетель» перестарался, с силой приложив юношу лицом об окованный истертым до белизны металлом затыльник приклада, но эта неожиданная боль подействовала отрезвляюще, будто ушат холодной воды смыла хотя бы на время липкий страх за свою шкуру. Вспомнив вызубренное наизусть наставление, Саша вцепился в холодный металл скрюченными пальцами и лихорадочно задергал рукоять затвора.

– Во! Ожил! – одобрительно пробасил сзади «благодетель». – Чего дергаешь, дубина стоеросовая? Поверни, поверни рукоять-то!

Саша послушно повернул металлическую ручку с шариком на конце, дернул, и из казенника вылетел, кувыркнувшись, целый патрон. Только тут, с запоздалым раскаянием, он понял, что так ни разу и не выстрелил с начала атаки.

«Трус! Трус!..»

Страх ушел без следа. Остался лишь стыд и злость на себя, «ворошиловского стрелка» и активиста Осоавиахима. Ни разу не выстрелить по врагу! Ни разу! Стоило рваться на фронт, подделывать год рождения, чтобы вот так, позорно...

Стиснув зубы, он рывком дослал патрон, влился в приклад и повел мушкой, выискивая цель – совсем нестрашную отсюда крошечную серую фигурку, едва различимую на фоне дымного марева. Тронул подушечкой указательного пальца спусковой крючок и плавно, как в тире, потянул...

– Молоток! Так и надо с ними! А ты нюни распустил... Они – такие же люди, как и мы. Они нас, а мы их, понял?

Саша мелко-мелко закивал головой, снова передергивая затвор, а матерщинник сунул ему прямо под нос патрон. Наверное, тот самый, неиспользованный.

– Ты боеприпасами-то, браток, не разбрасывайся, – каким-то извиняющимся тоном сказал он. – Их у нас кот наплакал...

Голос его с каждым словом становился все тише и глуше, будто он уходил куда-то...

А юноше некогда было даже оглянуться. Снова и снова он передергивал затвор своей «мосинки», посылая врагу пулю за пулей, вытаскивал из подсумка очередной гребешок обоймы, когда затвор оказывался пуст, лихорадочно перезаряжал и снова сливался с оружием. Попадал он или мазал? Кто это может знать точно...

– Танки слева! – рыкнул где-то неподалеку незнакомый голос. – Гранаты к бою!

Повинуясь команде, Саша оставил винтовку и сунулся за гранатами. И лишь ощутив ладонью сырую глину, вспомнил, что гранаты и бутылки с «молотовским коктейлем» еще утром перераспределили. Противопехотная граната против танка – слону дробина, твердили бывалые, поэтому гранаты вязали тканевой полоской, оторванной от портянок, по три вместе, сооружая некое подобие противотанковой. И Саше такая «малая артиллерия» не досталась – хлипковат, дескать, не добросишь. Да он и рад был поначалу: уж очень тяжела оказалась самоделка.

Парень оглянулся, чтобы посмотреть, у кого сейчас его граната, и увидел прямо позади себя мужчину под пятьдесят, безвольно привалившегося к стенке окопа, высоко подняв острые, обтянутые гражданскими брюками колени и запрокинув к небу бледное, присыпанное крошками глины лицо. Левый рукав его перепоясанного солдатским ремнем драпового демисезонного пальто поблескивал чернотой, словно вымазанный гудроном. Мужчина был мертв.

«А ведь это он меня... – подумал Саша, удивленный тем, что ничего не чувствует, кроме пустоты внутри. – Наверное, сам не мог уже стрелять и меня подбодрил...».

Внезапно его ухо, уже притерпевшееся к адской какофонии боя, вычленило из привычного сочетания нечто новое – металлический лязг и рев мощного двигателя.

Забыв про мертвеца позади, юноша повернулся обратно, как раз вовремя, чтобы разглядеть за стелющимися клубами дыма метрах в тридцати от бруствера угловатый силуэт, надвигающийся, казалось, прямо на него.

Чувствуя противную слабость внизу живота, паренек опустился на колени, так, чтобы обрез окопа был вровень с глазами, словно хилая земляная насыпь могла защитить его сейчас от прущего напролом стального чудовища.

«Опустись на дно окопа, – твердил он про себя. – Пропусти танк над собой, а потом брось бутылку или гранату на решетку моторного отделения...»

Вот так. Легко и просто. Только вот ладонь, отдельно от сознания шарящая в липкой холодной грязи, ничего, кроме стреляных гильз, не нащупывала. Ни рукояти гранаты, ни скользкого бутылочного горлышка.

Но как раз в этот момент фашистский танк дернулся, остановился и изпод его башни потянулась струя жирного черного дыма, с каждой секундой становящаяся все гуще и гуще. А откуда-то сзади и сбоку, перекрывая все звуки боя, нарастая и нарастая, несся гул людских голосов, кричавших что-то протяжное, такой же, как и спереди металлический лязг и частые громкие удары...

– Танки!!! – заорал прямо в ухо оцепеневшему Саше, все еще лихорадочно шарящему по дну окопа, Николай – такой же, как и он, вчерашний студент, с которым они успели познакомиться на марше. – Наши танки! Тридцатьчетверки!..

* * *

Война для Саши окончилась до обидного быстро.

Вечером, после отражения этой, единственной для него атаки, изрядно поредевший батальон ополчения, с трудом могущий претендовать теперь на звание роты, отвели на несколько километров в тыл на переформирование. А позиции Сашиных «соратников» заняли не вчерашние студенты и преподаватели, а кадровые военные какой-то новой армии, не то переброшенной под Москву с Дальнего Востока, не то спешно сформированной в Казахстане. Лишняя болтовня на подобные темы не приветствовалась.

Но и после этого путь юноши лежал не на фронт, а куда-то в Среднюю Азию в военное училище, вместе с десятками других студентов и выпускников средних школ с «десятилетней» за плечами. Страна остро нуждалась в командирах.

Теперь он лежал на полке сколоченных из досок нар в качающемся на стыках рельсов вагоне, уносящем его далеко-далеко на восток, и, напрягая глаза в неверном свете, сочащемся из подслеповатого окошка, разбирал «иероглифы» на редкость трудного почерка неведомого автора.

«Общая» тетрадь в темно-коричневом клеенчатом переплете отыскалась в точно таком же, как у него, солдатском вещмешке, случайно прихваченном вместо своего при спешном отходе с той самой памятной позиции. Хозяин вещмешка так и не появился, возможно, был ранен или убит в этом единственном бою. Быть может, это и был тот самый «матерщинник», который встряхнул Сашу. Как смутно припоминалось, он видел его несколько раз на марше, да и в окопе рядом с собой.

Юноша сперва хотел выбросить тетрадь, поскольку воспитанный в семье потомственных интеллигентов с детства знал, как нехорошо читать чужие дневники, но стоило пробежать взглядом первые страницы, покрытые неудобочитаемыми каракулями, как он уже знал, что не расстанется с рукописью никогда...

Часть 1

Мы наш, мы новый мир построим...

1

Красноватый отблеск зари все не хотел исчезать, хотя солнце село часа два назад. Он просто перемещался неспешно вслед за невидимым светилом, прячущимся за горизонтом, чтобы немного времени спустя разгореться светом нового дня. Тишина стояла такая, что, будь где-нибудь поблизости, хоть в десятке верст, деревня, слышно было бы, как перебрехиваются сонные собаки. Но другого жилья не было ни на десять, ни на пятьдесят верст в округе. – Благодать-то какая, – вздохнул есаул, звучно приканчивая у себя на шее местного, не по-таежному деликатного комара. – Эх, сейчас бы милку под ручку, да за околицу... – Вы женаты, Алексей Кондратьевич? – спросил полковник, по привычке доставая из нагрудного кармана пустой портсигар, чтобы со вздохом убрать его обратно: курить местный самосад, вероятно, представлявший какую-нибудь находку для какого-нибудь ботаника, он так и не приучился.

Почти пустой. В одном из гнезд тщательно сберегалась чудом сохранившаяся от бывшего табачного изобилия парижская «L'etual». Одна-единственная. На тот случай, если придется закурить в последний раз. Вообще в последний раз в жизни. И, судя по всему, час ее был близок...

– Да куда там, – махнул рукой казак. – До Германской зелен был еще, а потом...

– И невесты не было?

– Эх, ваше высокоблагородие... Невесты... Три с лишним года на фронте, да потом еще три... Невесты, какие были, замужем давно. Если живы еще.

Полковник промолчал. Разговор был тягостен собеседнику, а лезть в душу ему, Владимиру Леонидовичу Еланцеву, не позволял природный такт. Да и какая, собственно, разница – была у молодого казачьего сотника, теперь командовавшего меньше чем тремя десятками конников, невеста или не было. Завтрашний день всех уравнивает: дворян и простолюдинов, драгун и казаков, женатых и холостяков...

Двум сотням измотанных людей, почти половина из которых к тому же ранена, малому осколку Добровольческой Армии, затерянному в таежных дебрях, почти месяц удавалось оттягивать вполне закономерный конец, уходя от преследовавших их по пятам красных. Тающий, как кусок льда на весеннем солнце, отряд, на три четверти состоящий из кавалеристов, легко ушел бы от погони, но связывал по рукам и ногам обоз с ранеными. И женщины. О том, чтобы оставить их в одной из деревень, попадавших на пути, не могло быть и речи: трудно было надеяться на пощаду людям, носящим на плечах погони, один вид которых превращал вчерашних рабочих и крестьян в кровожадных зверей. А заодно и всем, кто им сопутствовал.

Но любому пути рано или поздно приходит конец.

Красным удалось-таки загнать отряд полковника Еланцева, некогда сльвишего любимцем Фортуны, в угол, и теперь он корил себя за то, что поздно разгадал замысел противника. Позавчера, предприняв отчаянную попытку прорваться краем расстилавшихся на многие сотни верст вокруг болот, он потерял восемнадцать человек и вынужден был направиться в тупик, из которого уже не было выхода.

Деревня Глухая Елань (вот ведь насмешка судьбы!) располагалась на южной оконечности поросшего густым лесом мыса, далеко вдававшегося в топь. Какие резоны заставили

предков здешних аборигенов (сплошь староверов) обосноваться в этом действительно глухом углу, так и осталось тайной, но иного пути, как обратно, в лапы преследователей, больше не было. Зато и позиции лучше не придумаешь: в кои-то веки полковнику не нужно было беспокоиться за фланги и тыл. Вот уточнением диспозиции и были заняты в столь поздний час офицеры.

– Пулеметы поставим тут и тут, – палец полковника указал будущие пулеметные гнезда на наскоро набросанном на обороте выдавшей виды картыдвухверстки схематическом плане деревни. – Симоненко с расчетом – вот тут... Как полагаете, есаул, успеем окопаться до подхода неприятеля?

– Бог его знает, – безразлично пожал плечами есаул Коренных. – Люди устали...

– Значит, окопаемся, как сможем. Избы крепкие, рублены из толстого леса, легко сойдут за укрепления. Вам с вашими конниками, я полагаю, нужно будет затаиться вот тут: видите мысок... Я вам придам эскадрон Зебницкого.

«Эскадрон» нескольких драгун под командованием штаб-ротмистра Вацлава Зебницкого он называл больше по привычке и из-за взрывного темперамента его командира-шляхтича, не согласного на понижение в должности ни при каких обстоятельствах.

– Если все сложится, как я предполагаю, удар с фланга будет нелишним.

– Раз надо – затаимся, – равнодушно глянул на «карту» казак. – Нам не впервой.

Полковник внимательно взглянул на собеседника.

За то короткое время, что Владимир Леонидович был знаком с есаулом, он успел узнать его как храброго и умелого бойца, не унывающего ни в какой ситуации. Конечно, сейчас все устали, но... Если уж и он настолько равнодушен к завтрашнему бою, то дело плохо.

Почувствовав взгляд командира, казак поднял голову. Серые упрямые глаза из-под выгоревшего на солнце чуба глядели спокойно, но где-то в глубине затаилась смертная тоска. За годы войны офицер наглядился подобного в досталь и знал, что это означает.

– Я это... – чуть замялся казачий офицер. – Ребятам своим велел в чистое переодеться, чтобы как водится, значит... Вы бы тоже...

– Отставить похоронное настроение! Что вы, в самом деле, Алексей Кондратьевич?

– Да вот...

Напряжение, витавшее в воздухе, снял неожиданный стук в дверь.

– Войдите!

В дверь просунулась чуть помятая физиономия вестового Лавочкина.

«Спал, зараза! – зло подумал Еланцев. – Эх, настоится он у меня в карауле... Хотя... Какой теперь караул?..»

– Разрешите, вашбродь?

– Чего тебе, Лавочкин?

– Да вот... Старикан какой-то местный вас добивается.

– Гони в шею.

«Наверняка будет уговаривать сдаться без боя, – подумал полковник. – Чтобы родное село не пострадало. Патриот болотный, так его...»

– Да я гнал уже. Он твердит, что важное дело у него.

– Тогда зови, – сменил гнев на милость офицер: он питал некоторую надежду на мужское население деревни – потомственные лесовики и охотники, бьющие белку в глаз, в грядущем сражении лишними не были бы.

– А-а-а! Агафангел Лукич! – изобразил Еланцев радушие при виде уже знакомого ему старца, местного старосты, размещавшего отряд на постой. – Чем обязан?

– По делу я к тебе, барин, – стрельнул едва различимым из-под лохматой седой брови выцветшим глазом на есаула старик.

– Ну и говори. От господина Коренных у меня секретов нет. Да ты присаживайся, милейший!

– Слыхал я, барин, – начал староста, угнездившись на подставленном ему казаком табурете, – что биться с супостатом вы тут собрались.

– Да, собрались, – кивнул головой, построжев разом, Владимир Леонидович. – И если ты пришел нас отговаривать, то сразу предупреждаю: напрасный труд.

– Разве вас отговоришь... – вздохнул старик, мерно оглаживая коричневой и узловатой, словно древесное корневище, ладонью сивую окладистую бороду. – Вам смертоубийство, что нам косьба...

– Ты бы придержал язык, старый! – подал голос есаул, и рука его привычно метнулась к рукояти отсутствующей шашки, мирно сейчас лежащей на подоконнике в обмотанных португеей ножнах. – Не ровен час...

– Оставьте, – остановил его Еланцев. – Зачем же ты тут тогда, старик?

– Я так смекнул, что биться-то вы затеяли от отчаяния, – хитро прищурил глаз лесовик. – Мол, деваться-то все одно некуда. А раз так, то и жизнь немила, а? Угадал?

– В общих чертах, – не смог не признать правоты аборигена офицер.

– А если бы было куда податься, то и биться б не стали? Верно?

– Слушай, старик! – снова не выдержал Алексей. – Шел бы ты со своим допросом, а? Я тебе и адрес укажу, чтоб ты не заплутал ненароком по темному-то времени.

– Соплив ты больно, паря, адреса указывать, – набычился старец. – Я, вон, вообще не с тобой, а с барином разговариваю.

– Да, – терпеливо сказал полковник, дав знак ершистому есаулу успокоиться и не задирать старца. – Если бы было куда уйти, мы бы ушли. Но, увы! – он развел руками. – В пяти верстах отсюда – красные, на флангах... по бокам то есть и позади – болото. Значит, придется вам потерпеть.

– Есть тропа, – буркнул старик, недобро косясь на разозлившего его казака. – Коли надо, так я вас выведу.

– Куда выведешь? – подскочил есаул. – До самой Кирсановки болото!..

– А до нее – восемьдесят семь верст, – безрадостно закончил за него Еланцев. – Бродов такой протяженности не бывает.

– А вы откель знаете?

– На карте обозначено, – ткнул пальцем в развернутый на столе лист бумаги Владимир Леонидович.

– Врет все ваша карта. Болото идет дугой – это верно, спорить не буду. Но никаких восьмидесяти верст в нем нет. Восьми и то не наберется.

– Как это карта врет?

– А так. Приезжал к нам барин один вроде тебя до войны еще. Тоже в мундире, только не таком, как у тебя. Без погон. Ну, это, обмерять все да на бумагу заносить. А как добрался он до нас, так и запил. Два месяца кряду и прокуролесил. Самогонка ему, вишь, наша приглянулась. Чистый бальзам, говорил, нектар небесный. Ам... Ам...

– Амброзия? – улыбнулся Еланцев.

– Во! Она самая! – обрадовался старец. – И баб наших с девками плясать учил, и сам голышом при луне скакал, прости Господи... А под конец больше чертей гонял. Так что болото это так, для виду начеркал, как придется. Чтобы перед начальством отчитаться. Я ему так и эдак: неправда, мол, ваша, барин, а он мне: «Сойдет и так, Лукич. Все равно до ваших мест еще лет сто никто не доберется». Ци... Цивизацию какую-то поминал.

– Цивилизация?

– Может, и она, – равнодушно пожал плечами Лукич. – А нам ее и на дух не надо. Девка какая-нибудь паскудная небось, а?

– Вроде того.
– Во! И я про то же. Так что ерунду тот барин на своей бумаге намалевал. Неправду.
– И в каком году это было? – недоверчиво взглянул на разговорившегося старика Еланцев.

– В каком? Дай подумать... Так, Митька в том годе женился, Алевтина, Егоршина сноха, померла... В девятьсот восьмом это было! Аккурат на Троицу.

Владимир Леонидович перевернул карту и на желтоватом поле прочел: «Императорская комиссия... 1909 год».

«Смотри-ка, – удивился он. – Сходится. Может, не врет старый леший?»

– Ну-ка, – заявил он вслух. – Начерти на карте.

– Э, нет! – отодвинулся абориген вместе с табуретом от протянутого красно-синего штабного карандаша, будто от ядовитой змеи. – На карте я не могу... Не обучены мы. Я так могу, живьем.

– Глубоко там?... Лошади пройдут?... А телеги?... – насел он на старосту с расспросами, оставаясь внешне сдержанно-деловитым, хотя в душе у него все пело: «Не подвела, не подвела Фортуна! Ты все еще счастливчик, Володя...»

* * *

Красные подошли к деревне, когда солнце уже начало клониться к западу.

– Я вас не понимаю, товарищ Чернобров, – недовольно поблескивая круглыми стеклышками очков, выговаривал командиру худошавый сутулый мужчина в кожаной куртке – комиссар отряда Яков Шейнис. – К чему было давать врагу такую фору? За те полсуток, что мы отдохали, белые недобитки, возможно, успели организовать оборону. Деревню надо было штурмовать ночью, пока они были усталыми... Фактор внезапности...

– Так ведь и бойцы устали, – не соглашался с комиссаром Тарас Охримович. – Много бы они навоевали, когда с ног валились! Шутка ли – третьи сутки в седле! Да и какая там внезапность... Ждут нас контрики, глаз не смыкают. Нет, врагу деваться некуда, а нам – торопиться.

– Вашими бы устами... – отвернулся Шейнис.

– Да не журишь ты, Яков Израилевич! – хлопнул собеседника по кожаному плечу Чернобров. – Возьмем твоих беляков тепленькими! А то и совсем боя никакого не будет.

– Как это?

– А так. Вчера они злые были, прямо с марша. А это, по себе знаю, хуже некуда. Тут сама жизнь не мила. Стояла бы контра недобитая насмерть. Помнишь, как в последней стычке?... – Чернобров осторожно тронул щеку, рассеченную казачьей шашкой, – неглубокая рана, чуть ли не царапина, а кровищи было, кровищи... – А теперь что? Отоспались контрики, размякли. Денек на дворе теплый, птички поют. В такой денек помирать – нож острый. Смотришь, и одумаются чертяки, сложат оружие, сдадутся.

– Сомневаюсь...

– А ты не сомневайся. Куда им деваться-то? С трех сторон топь непролазная, а с четвертой – мы. Превосходящие, так сказать, силы. Полковник Еланцев – вояка грамотный, кадровый, что к чему понимает.

– Чего ему понимать? Так и так – к стенке.

– Ну, это ты брось. К стенке... Если без боя сдастся, то не нам с тобой решать, что с ним делать. Отвезем в Кедровогорск, пусть там решают.

– А он бы нас не пожалел.

– Он бы не пожалел. Потому как контра, наймит мировой буржуазии. Нам ли на него равняться? Эх ты, Яков Израилевич, а еще комиссар, понимаешь...

– И все равно...

– Погоди, – остановил его командир. – Вон, разведка скачет. Сейчас и рассудит нас с тобой... Говори, Степа, как там беляки, – обратился он к подскакавшему на взмыленном кауром коньке красноармейцу. – Поди, как на Перекопе позиции оборудовали золотопогонники?

– Деревня пустая, Тарас Охримович! Нет никого! Старики одни, бабы да ребятишки...

* * *

Единственным вещественным следом, оставшимися от исчезнувшего белого отряда, если не считать могилы скончавшегося ночью раненого и нескольких окровавленных тряпичных бинтов возле избы, превращенной в импровизированный полевой госпиталь, была лишь увязнувшая по самый броневой щит в трясине трехдюймовка со снятым замком. Уже затянувшиеся жидкой грязью следы телег и конских копыт терялись в тростнике, но бросаться в погоню красные не спешили. Хватило того, что несколько самых рьяных едва не потопили лошадей и вынуждены были вернуться назад. Болото и в самом деле оказалось непроходимым.

– Вот видите? – радовался непонятно чему комиссар. – Что я говорил? Ушел полковник! Ушел из-под самого носа!

– Это еще бабушка надвое сказала... – хмурый Чернобров пытался отскрести веточкой пятно липкой болотной грязи с полы длинной кавалерийской шинели и не глядел на торжествующего товарища. – Лешему в глотку ушел твой полковник. К водяному. Раков, поди, уже кормят контрики.

Наскоро допрошенные обитатели деревушки в один голос твердили, что «золотопогонники» еще ночью собрались и ушли прямо в трясину. Пушку, завязнувшую в самом начале, бросили, а сами так и сгнули в тумане, поднявшемся с болота под утро.

– А брода тут никакого нет! – уверял седобородый старец, местный староста. – Пробовали гать наладить, при царе еще, так не держит трясина проклятушая! Хотите – сами проверьте.

– Я ж говорил, что полковник дело свое знает туго, – сломал веточку командир и, не глядя, кинул обломки в грязь. – Третий путь выбрал. Я таких в Крыму навиделся: патроны расстреляют, а сами в море идут и не оглядываются. Мол, хочешь – стреляй в спину, хочешь – не стреляй. И тонут, представляешь! Сами тонут! Добровольно!

Чернобров дернул щекой – плохо заживающий сабельный порез, обещающий со временем превратиться в уродливый шрам, опять закровоточил – и вскочил в седло.

– Илюхин, бери своих бойцов и по кромке трясины – в обход. Выяснишь, нет ли где прохода.

Увы, разведка ничего не дала. Болото уходило вдаль, и конца-краю ему видно не было. Похоже, что старая карта-двухверстка не врала и до самой Кирсановки простирались одни лишь унылые, поросшие ржавым тростником топи, в которых без следа затерялся отряд полковника Еланцева.

Чернобров без толку проторчал в Глухой Елани целых две недели, но ничего нового об исчезнувших белых не узнал. Попытки навести гать ничего не дали, о броне местные действительно ничего не знали или не хотели говорить... Кровожадный Шейнис даже предложил расстрелять для острастки пару-тройку неразговорчивых селян, но командир, с каждым днем становившийся все угрюмее и угрюмее, отмел эту бессмысленную жестокость без разговоров. Настраивать против новой власти и без того недоверчивых кержаков¹ он не хотел.

¹ Кержаки – местное название старообрядцев в Сибири.

Снялись с места и ушли к далекому Кедровогорску красные, только когда зарядили проливные дожди и появилась реальная опасность застрять в негостеприимной деревне до зимы. А то и до весны, что тем более не входило в планы непримиримых борцов с мировой контрреволюцией...

* * *

– Неужели выбрались?

Перемазанный болотной грязью по уши, потерявший где-то фуражку есаул Коренных повалился в колючую осоку, казавшуюся изможденным людям мягчайшей периной, и с протяжным вздохом перевернулся на спину, глядя в розовеющее предутреннее небо. Не верилось, что позади без малого сутки изматывающего похода по разверзающимся под ногами хлябям. Только чудом удалось не потерять ни одного человека, ни одной телеги с ранеными и небогатым скарбом. Чего нельзя сказать о верховых конях, шесть из которых остались навеки в трясине, словно жертва жуткому болотному демону. Шесть чистокровных скакунов заплатили своими жизнями за то, чтобы люди смогли выйти на сушу...

– Не знаю... Наверное, да.

Владимир Леонидович тоже никак не мог прийти в себя. Стоило опустить на миг веки, и снова перед глазами вставала жирно чавкающая грязь, острые, как бритвы, стебли, коварные зеленые лужайки-пропleshинки, так и манящие наступить, но скрывающие под собой бездонные омуты...

Не раз за прошедшие сутки люди обретали надежду, когда болото под ногами мельчало. Но трясина лгала, играла с людьми, снова и снова заставляя их вязнуть по пояс в ледяном вязком месиве, хватаящем свои жертвы цепкими щупальцами и не желающем отпускать. Но теперь все было позади. Местность определенно шла на подъем, и чахлые березки, не имеющие сил для нормального роста без почвы под корнями, давно уже сменились лиственницами и кедрами, как известно растущими только на надежной суше. Даже если это был всего лишь остров, и то лучше, чем ничего. А уж если настоящий берег...

– Прикажите выставить часовых, есаул, – прохрипел полковник, ощупывая через липкую, пропитанную грязью ткань френча портсигар с заветной папиросой, едва не покинувшей его сутки назад. В последний раз.

– Что вы, Владимир Леонидович, – казак все никак не мог оторваться от созерцания разгорающейся зари. – Какой караул? Люди без сил. Да и нет тут никого, кроме нас да комаров.

– И все равно, Алексей Кондратьевич, расслабляться нельзя. Это приказ.

– Слушаюсь, – попытался козырнуть лежа есаул, но вспомнил, что без фуражки, и улыбнулся, блеснув безупречными зубами.

Через полчаса в лагере уже горели костры, между которыми бродили похожие на привидения фигуры. Раздевшись до исподнего, некоторые солдаты и казаки пытались привести в божеский вид верхнюю одежду, стоически борясь со сном, но большинство, так и не раздевшись, погрузились в беспокойный сон. Не спал и врач отряда, пытающийся в таких вопиюще-антисанитарных условиях сменить повязки у особенно нуждающихся в этом раненых. Словом, только что вырвавшийся из лап смерти отряд налаживал быт и приходил в себя.

– Дальнейшие действия? – поинтересовался есаул, уже успевший разжиться где-то новой фуражкой, снова лихо заломленной на левую бровь, у Еланцева, осторожно сушащего у костра изрядно подмокшую карту. – Занимаем оборону тут или движемся дальше? Предупреждаю сразу: почва здесь каменистая и окопы полного профиля вырыть будет до чрезвычайности трудно.

– И я считаю, что это напрасный труд, – покачал головой Владимир Леонидович. – Пройдем еще два десятка верст и остановимся там.

– Вы про то убежище, что нам сулил старик? – иронически улыбнулся Коренных. – Думаю, что старый леший соврал, чтобы мы не оставались поблизости от деревни.

– К чему ему лгать? Тем более, что с нами в качестве проводника остался его внук. По-моему, это достаточная гарантия. У крестьян очень сильны родственные связи, а у староверов – особенно.

– Да-а... – почесал в затылке есаул. – Чалдоны² родство чтут. Похлеще, чем мы, казаки.

– Вот-вот. По крайней мере, за естественной преградой оборону держать удобнее, чем в чистом поле. Завтра увидим все сами...

² Чалдоны – уничижительное название сибиряков, не принадлежащих к казачьему сословию.

2

– Пришли, – сообщил здоровенный флегматичный «внучек», когда из-за поредевших сосен показалась каменистая осыпь, круто уходящая вверх к мрачным утесам, испещренным расщелинами. – Туточки оно...

– Ты куда нас привел, Сусанин? – нахмурил брови Коренных, меряя на глаз высоту препятствия. – Мы тебе что – тараканы по отвесным скалам карабкаться? Да тут саженой полсотни будет, как не более!

– Не пройти никак, – поддержал его штаб-ротмистр Зебницкий. – Прямо-таки Альпы-с. А мы, господа, не сенбернары, к сожалению.

Корнет Манской и поручик Деревянко промолчали из субординации, как самые младшие из присутствующих офицеров.

– Погодите, – осадил штаб-ротмистра Еланцев. – Э-э-э... Как бишь, тебя, любезный?

– Митрохой кличут.

– Дмитрием?

– Не, не Димитрием... Митрофаном. Митрофаном Калистратовичем. Кармадоновы мы.

– Простота нравов, – буркнул себе под нос полковник и добавил громче: – Это действительно то место, Митрофан, хм-м... Калистратович?

– Ага. Каменюки тут, как ограда вокруг озера.

– Вероятно, метеоритный кратер, – заметил приват-доцент, подъехав к совещающимся командирам: гражданский человек до мозга костей, он презирал всяческую субординацию. – Ты случайно, дружок, легенд никаких не слыхал про падающие с небес камни?

Проводник надолго задумался, ероша здоровенной пятерней пшеничные вихры. Офицеры и медик терпеливо ждали.

– Нет, – честно признался он после длительного размышления. – Про камни не слыхал. Да и откуда на небесах камням-то взяться? Это ж небеса все ж-таки.

Привалов было завел очи горе, готовясь разразиться длинной лекцией об астероидах, кометах, метеоритах и прочей астрономической премудрости, но «дитя природы» продолжило.

– Камни – вон они, на земле валяются. А на небе камней нет. Про тутошнее место сельдюки бают...

– Кто-о? – округлил глаза юный Манской. – Сельдюки?

– Селькупы, местная народность, – досадливо бросил ему приват-доцент. – Продолжайте, молодой человек, не обращайтесь внимания.

– Так вот, – обстоятельно продолжил абориген. – Старейшины их твердят, что тут злой дух с неба упал, когда его ихний добрый дух победил и вниз скинул. Пал, мол, злой шайтан вниз в огне и громе и так грянулся оземь, что яма тут вышла великая. Ну, а потом водой ее залило и вышло озеро.

– Я же говорил, что это метеорит, – победоносно оглянулся на офицеров медик. – И давно это было? – вновь спросил он проводника.

– Давно, – равнодушно ответил парень. – Сельдюки бают – еще прапрадеды их не родились.

– И что же, – поинтересовался полковник. – Они, наверное, чтут это место?

– Еще чего, – ухмыльнулся здоровяк. – Сторонятся, как огня. Проклятое, говорят, место. Злой дух, говорят, не весь сгинул. Часть его до сих пор тут бродит.

– А вы?

– А нам-то что? Не наш черт-то. Пусть сельдюки его и боятся.

– Сказки! – отмахнулся Привалов. – Обожествление явлений природы. Первобытное мышление!

– Сказки сказками, а забираться-то туда как? – вздохнул казак. – У коней, ваше высокоблагородие, крыльев нет. Да и у людей – тоже.

– Действительно: как?

«Митрофан Калистратович» солидно помолчал:

– Имеется тропка... Только вы уж, ваши благородия, не обессудьте – на конях туда действительно никак...

* * *

– Ну, если ерунда какая-нибудь окажется, – пыхтел есаул, карабкаясь следом за неожиданно ловким и, кроме того, передвигавшимся босиком проводником здесь, на склоне, уже не казавшимся увальнем. – Ей-богу, всю задницу тебе, Митрофан Калистратыч, нагайкой распишу – мать родная не узнает!..

Он уже несколько раз съезжал по скользким камням на пару аршин вниз, разодрал на колене галифе, сильно ушиб плечо и, главное, сломал шпору на сапоге! Для него, прирожденного кавалериста, лучше было бы сломать любой из пальцев, тем более что шпоры эти были еще дедовскими, памятными, и где здесь можно такую дорогую сердцу вещь починить, казак не представлял совершенно.

Последствия могли быть еще более катастрофичными – не дело это коннику по скалам ползать – если бы не следовавший по пятам за командиром вахмистр Мироненко, служивший есаулу чем-то вроде тормоза.

– Ничё, барин! – оглянулся на ходу абориген, опередивший спутников больше чем на три корпуса. – Уже скоро. Еще аршин десять...

– Ну, ежели врешь...

Вход в расселину, совершенно незаметный снизу, открылся внезапно.

Парень помог вползти на крошечную площадку обоим казакам и попытался даже отряхнуть есаула от белесой известняковой пыли, но тут же получил по рукам. Площадка вливалась в узкую расселину в скалах. По ширине – как раз пройти двум людям плечом к плечу или, с трудом, лошади. Это, чисто механически, тут же отметил про себя Коренных и, встретившись глазами с вахмистром, понял, что тот подумал о том же. О конях природные кавалеристы думали прежде всего.

Высокие скалы над расселиной почти сходились друг с другом, образуя как бы арку, но из глубины лаза тянуло вовсе не промозглой сыростью пещеры, а сухим теплым ветерком.

Есаул подошел к краю площадки и, вытянув шею, поглядел вниз.

Люди внизу отсюда казались маленькими, будто полевые мыши, по каким-то своим мышинным надобностям дружно вставшие на задние лапы, а кони – крысами. Утомленные походом беглецы уже начали разжигать костры, расседлывать лошадей, рубить лапник для шалашей и подстилки.

«Надо же, – подумал про себя Алексей. – Вроде и невысоко, а попробуй заберись».

Прямо у подножия скал, гораздо выше лагеря, маячили полковник и приват-доцент. Первый и не собирался подниматься, полагаясь во всем на свою правую руку – есаула, а второй вряд ли смог бы повторить подвиг двух казаков и проводника – мешало солидное брюшко и вообще малоспортивная фигура.

– Алексей Кондратьевич! – донеслось снизу. – Как вы там?

– Нормально! – крикнул в ответ есаул, приложив ладони рупором ко рту. – Идем внутрь! Ждите!

Эхо в расселине тут же подхватило его слова и принялось передразнивать: «Дите!.. Дите!.. Дите... те... те...»

– Хорошо-о-о!..

– Ну что, Сусанин! – наигранно бодро повернулся офицер к проводнику. – Веди!

Тот пожал плечами и исчез в проходе за скальным выступом.

– Я за ним пойду, вашбродь, – извиняющимся тоном пробасил Мироненко. – Мало ли чего... А вы уж тылы прикрывайте.

Вахмистра Коренных знал еще с Германской. Тот одно время служил в пластунской роте и способен был на такое, что иным воякам и не снилось. Неуклюжий на первый взгляд казак одним ножом мог вырезать вражеский взвод, да и с голыми руками вряд ли кто мог быть ему равным противником. Поэтому есаул только кивнул.

По узкой извилистой щели продвигались гуськом, сохраняя приличное расстояние друг от друга. Идти было непросто, поскольку дно расселины покрывало рыхлое каменное крошево размером от горошины до мужского кулака, а через некоторые из «крошек» в два охвата приходилось перебираться ползком. Время от времени «авангард» исчезал за очередным поворотом, и Алексея пронизывало острое чувство одиночества, исчезавшее сразу же, как только впереди снова появлялась обтянутая линиялой гимнастеркой спина вахмистра.

Но вот, в очередной раз перебираясь через преградившую путь глыбу, он глянул вперед и сердце ёкнуло: впереди, в просматривающейся на десяток аршин расселине, никого не было.

«Не может быть! – чуть было не крикнул есаул, но сдержался. – Куда они подевались?»

– Э-э-й!.. – негромко позвал он, помня рассказы бывалых людей, что в таких вот местах, держащихся на честном слове, кричать нельзя, чтобы не вызвать обвал. – Мироненко-о!..

Ответом ему был только камушек, скатившийся с отвесной каменной стены.

«Вернуться назад? Нет... Куда же они все-таки подевались?»

Алексей зачем-то вынул из кобуры револьвер, проверил барабан и осторожно двинулся дальше, стараясь держаться ближе к стене и в любой момент готовый упасть ничком и открыть огонь. Он остро жалел сейчас, что оставил внизу верную шашку, лазать с которой по скалам было действительно несподручно. С клинком в руке он не чувствовал бы себя столь одиноким и незащищенным против враждебного камня, окружающего со всех сторон.

Где-то в трех-четырёх аршинах от злополучной глыбы чувство одиночества и покинутости стало таким острым, что сердце сжалось и пропустило удар, а в душе начал расти панический ужас – детское ощущение, давным-давно позабытое бывалым рубакой. Скрипнув зубами, есаул сдержался, чтобы не повернуться и не броситься стремглав обратно, к людям, прошептал про себя молитву, взвел курок нагана и снова двинулся вперед.

И страх, будто сам испугавшись, немедленно растаял без следа.

Расселина кончилась внезапно, и по глазам, привыкшим к скупому освещению ущелья, ударило такой яркой синевой, что казак отшатнулся назад и прикрыл лицо ладонью...

* * *

– Лексей Кондратьич! Вашбродь!

Сидевшие на поросшем травой склоне в двух шагах от зева расселины, едва различимой в зарослях кустарника, казак и проводник вскочили на ноги.

– Лексей Кондратьич!.. Я ж гутроил тебе, орясина, – повернулся вахмистр к втянувшему голову в плечи парню и отвесил тому звонкий подзатыльник. – Что есаул наш – крепень-человек. А ты все «струсил-струсил»... Спустить бы тебе портки, да...

– В чем дело, вахмистр? – спросил ничего не понимающий офицер.

– Да ведь заждались мы вас, Лексей Кондратьич! Чуть не полчаса вас нет! – сверкнул щербатыми зубами Мироненко. – Аль забыли чего на той стороне, вернулись?

– Какие полчаса? – опешил есаул. – Минут пять, не более того...

– Не-е, – упрямо покачал лобастой головой казак. – Полчаса – не меньше. Мы уж и к озеру успели спуститься, водицы испить... Думали уж обратно топать. Цигарку только на дорожку я хотел выкурить, а тут вы.

– Ей богу, барин! – подтвердил абориген в ответ на немой вопрос офицера. – Так оно и было.

– Да вы ривольверт-то спрячьте, вашбродь.

По честным глазам казака было видно, что это – никакой не розыгрыш, да и простоватый парень вряд ли смог бы настолько хорошо подыграть старому рубакае, реши тот попридуриваться перед командиром. Да и не было бы у них времени сговориться.

– Ну хорошо, – буркнул Алексей, только сейчас обративший внимание на то, что по-прежнему сжимает в руке наган, и спрятал его в кобуру, заодно решив отложить выяснение странного происшествия на потом. – Показывайте, что тут у вас...

Но показывать было нечего. Вернее, все было видно и так, без гидов и провожатых.

Озеро правильной округлой формы лежало, впаянное в густо заросшую растительностью котловину, словно отшлифованное зеркало, оправленное в изумрудный оклад. Только не бывает таких густо-синих зеркал, разве что сделано оно не из стекла, а из чистой воды огромного сапфира.

Покоренный чудесной картиной, расстилающейся у его ног, есаул не сразу вспомнил про полевой бинокль, висящий в футляре, во избежание всяких случайностей, за спиной.

Приближенное мощной цейсовской оптикой озеро показалось еще красивее. Но кроме красоты, офицер разглядел в окулярах и нечто другое...

– Ты что же, паскудник, – ласково обратился он к снова вжавшему в плечи голову Митрофану. – Шутить со мной вздумал? Специально нас на эту гору потащил, гаденьш?

Проводник попытался было порскнуть в кусты, но был схвачен бдительным вахмистром, награжден подзатыльником и снова водворен под грозные очи начальства.

– Кто там внизу говорил, что пробраться сюда лишь одним путем можно, а? – продолжал допрос есаул Коренных. – Врал, засранец?!

– Не врал я, ваше благородие! – задержался в крепких руках Мироненко парень, с перепугу выговорив в первый раз мудреное слово. – Одна сюда дорога и другой нету!

– А это что? – сунул ему под нос бинокль Алексей. – Глянь сюда, деревня! Видишь, сосны из-за склона выглядывают?

Действительно, каменистая, густо поросшая лесом и кустарником гряда плавно снижалась к северо-западу, а в трех или четырех верстах от того места, где стояли наблюдатели, из-за нее выглядывали макушки кедров и, следовательно, выше каких-то пятидесяти-семидесяти аршин она быть никак не могла. А еще дальше к северу, наверное, была еще ниже, но мешали разглядеть слепящие блики на поверхности озера и дрожащий над ним нагретый солнцем воздух.

– Может, и выглядывают, – упрямо спрятал за спину руки Митрофан, не решаясь прикоснуться к незнакомой штуковине. – Только другого пути сюда все одно нету! Кого хочешь спроси – нету и все!

На ресницах парня дрожали слезы, голос срывался, и офицер внезапно понял, что тот не врет. Заблуждается, возможно, действительно не знает другого пути, но не врет.

– Ладно, разберемся... Отпусти его, Мироненко.

Повернувшись к спутникам спиной, есаул начал спуск к озеру, гораздо более пологий, чем с другой стороны гребня, но все равно очень крутой.

За спиной раздался звонкий звук еще одной затрешины, и Коренных хмыкнул в усы: вахмистр оставался вахмистром в любой ситуации.

* * *

В костре весело потрескивали сучья, пламя рождало веера искр, светящимися мушками исчезающих вверху, озаряло потусторонним красноватым светом лица, неузнаваемые из-за игры света и тени, кажущиеся дикарскими масками или личинами демонов.

– И все равно, господа, это чудо, – ожила одна из «масок», обрамленная понизу густой растительностью, превращаясь в приват-доцента Привалова. – Я, знаете ли, ожидал всякого, только не этого.

Переpravу большей части отряда завершили к ночи, и снаружи сейчас оставались лишь тяжелораненые, тащить которых через щель в скале медик запретил категорически, женщины и взвод охраны. Ну и, разумеется, лошади, поднять которых к проходу можно было только лебедкой. Горячие головы из казаков тут же предложили несколько способов «вознесения» четвероногих на кручу – многие из них воевали в Закавказье против турок и знали много всяких горных хитростей – но Владимир Леонидович остудил их, велел пока оставить скакунов на той стороне. Тем более что в густой растительности, покрывавшей дно котловины, толку от них особого не было.

Во внешнем устье расселины дежурил пулеметный расчет, сменять который полковник приказал каждые два часа, а его близнец держал под постоянным прицелом озеро и подступы к раскинувшемуся на его берегу лагерю.

Собственно говоря, лагеря пока никакого не было – только два десятка костров да лежанки из лапника, но охрана была поставлена, как в любом другом лагере. И хоть противник никак себя не проявлял, забывать об осторожности было глупо. А что до крыши над головой, то ночь выдалась неожиданно теплой по сравнению со всеми предыдущими, небо не пятнало ни единое облачко и, следовательно, с обустройством можно было подождать.

– Чувствуете, как здесь тепло? – продолжал Модест Георгиевич.

Собеседников у него было не так много: полковник, корнет Манской, штаб-ротмистр да невесть каким образом прибывший к отряду еще в Барнауле инженер-путеец Гаврилович. Есаул, намаявшийся за день, дремал, раскинувшись по другую сторону костра в позе охотника на привале и уронив чубатую голову на сгиб локтя. Поручик Деревянко командовал охраной «госпиталя» на другой стороне гребня, его коллеги-драгуны увязались за ним и теперь, вероятно, волочились напропалую за сестрами милосердия у такого же костра «по ту сторону», пользуясь передышкой в военной жизни. Артиллерийский же капитан фон Герен, переживавший потерю последнего орудия, сухо отклонялся и ушел спать к остаткам своих батарейцев. Оставшись не у дел, он заметно дистанцировался от остальных офицеров, и Еланцева это обстоятельство не могло не беспокоить.

Да! Рядом со спящим есаулом сидел «Митрофан Калистратович», который сонно моргал коровьими ресницами и время от времени тер глаза веснушчатым кулаком. Гнать проводника к «нижним чинам» сочли неуместным, да и секретов особенных у костра не обсуждалось.

– Еще бы! – юный Манской восторженно прищелкнул языком. – Если бы не сосны, то я, признаться, счел бы себя находящимся в Крыму. Да-да, господа! Только там в августе бывают такие тихие теплые ночи, такие яркие звезды над головой... Единственное, чего не хватает, так это шороха ночного прибоя. Помню...

– Ха, корнет! – возразил штаб-ротмистр, пошевеливая угольки костра веткой. – Вы в свои двадцать с небольшим хвостиком лет нигде, кроме Петербурга и дачи в Крыму, не бывали. А вот у нас под Белостоком...

Тема оказалась заразительной, и офицеры, позабыв про чины и года, принялись горячо обсуждать достоинства родных мест и тех местностей, где удалось побывать в мирной жизни. Один воспевал родную Полтавщину, другой – окрестности Курска, третий восторгался пляжами Ниццы... Казалось, что войны нет и в помине, просто у костра – допустим, на охоте или на загородной прогулке – собралось несколько старых друзей.

– Но согласитесь, господа, – попытался свернуть разговор на интересную ему тему приват-доцент, родившийся под Вологодой и всю жизнь проживший в местах, далеких от субтропиков. – Вероятно, в данной котловине, защищенной от ветров горами, образовался собственный микроклимат. Не удивлюсь, если тут среднегодовые температуры...

– О чем вы говорите, доктор, – мечтательно заявил штаб-ротмистр, откинувшись на спину и любуясь огромными звездами, складывающимися в четкие созвездия, словно сошедшие со страниц атласа Гевелия. – Микроклимат, среднегодовая температура... А я вот помню, как в девятьсот одиннадцатом году ездил с одной дамой... Без имен, господа, разумеется... Так вот: в Париже, на рю де Винагриер...

– Стой! Кто идет! – раздалось сверху, и знакомый голос тут же перебил часового:

– Своих не узнаешь, дурак?

– Опять ротмистру Зваричу не спится, – проворчал из темноты невидимый поручик Аверин, видимо подошедший «на огонек» от своих, дувшихся в вист товарищей. – Наверное, получил афронт от дамы сердца и...

– Что бы ты понимал, Сережа, – ротмистр, тяжело припадая на раненую несколько месяцев назад, но никак не желавшую заживать ногу, подошел к костру. – Моя дама сердца далеко отсюда... Да у вас тут Ташкент, господа! – завистливо протянул он, протягивая к костру ладони. – И трава сухая... Неужели ни капли не упало?

– Вы о чем, сударь, – недовольно посторонился путеец, и тут все разглядели, что с ротмистра ручьем бежит вода. – Какие капли? Да почему вы мокры? В озеро упали?

– Вы не поверите, господа, – пробасил ротмистр, от которого валил пар. – По ту сторону – дождь, как из ведра, а у вас тут – ни капли...

– Вы что: пьяны? – повысил голос полковник. – Если вы добрались до запасов господина Привалова...

– Ах, если бы, – вздохнул гусар, выжимая фуражку. – Ни капли во рту с самого Кедровогорска. О, да у вас тут даже туч нет!

– Тогда вы бредите, ротмистр! – воскликнул Манской.

– Я не знаю, каким образом такое возможно, но я говорю правду. Если не верите, можно прогуляться до входа, юноша, – предложил гусар. – Я охотно приму там ваши извинения. Даже если дождь по ту сторону уже прекратился, то камни еще высохнуть не должны и сразу несколько десятков свидетелей подтвердят, что я прав. Вы не составите нам компанию, господа?..

Толпа офицеров, с риском столкнуть вниз друг друга, и недовольных, мокрых до нитки пулеметчиков долго толпилась у противоположного выхода, с недоумением вглядываясь в затянутое тучами небо и прикрывая лица от брызг, заносимых ветром в расселину.

– Чертовщина какая-то... – пробормотал приват-доцент, озабоченно протирая платочком стеклышки пенсне.

3

– Виданное ли дело – лошадей на веревках в гору тащить? Может, их кавказские кони к такому и привычные, а я своего Фугаса на гору таращить не дам!

Есаул с верным вахмистром Мироненко, оседлав лошадей, отправились поутру вдоль горной гряды, чтобы поискать место, более удобное для переправы в котловину, чем уже окрещенный бойкими на язык офицерами «дефиле»³ проход.

Солнышко снова сияло всюю, играя миллионами собственных отражений на мокрой листве и траве, и не верилось уже, что ночью тут прошел странный дождь, щедро оросивший все по одну сторону кольцевой гряды, но не уронивший ни капли по другую. Конечно, обоим были знакомы дожди, идущие «полосами» так, что в одной части станицы все залито, а в другой – сухо, но после того как всадники удалились от лагеря на несколько верст, стало понятно, что ни о каких «полосах» речи быть не может. Разве что странная туча так же, как и они, прилежно огибала котловину по ее внешнему краю. Вещь сама по себе небывалая, но загадок и без того хватало, поэтому оба, не сговариваясь, не поднимали в разговоре этот вопрос. Зато уж остальное обсуждалось со всех сторон.

– Понятное дело, Лексей Кондратьич, – продолжал вахмистр, с глазу на глаз пренебрегавший субординацией. – Мы, казаки, народ ушлый – и корову на гору взгромоздим, если надо будет. Но к чему лошадь-то ни в чем не повинную пугать? Она ведь не корова... Той-то хоть бы хны, лишь бы снова на травку. Ну, может, молоко с перепугу пропадет, да и все. А лошадь, она с понятием...

Есаул, которому переправа через горы тоже стояла поперек горла, во всем был согласен со своим бывалым подчиненным.

– Оно ведь как? – продолжал разливаясь соловьем Мироненко. – Одно дело – настоящие горы. Кавказ, там, или Балканы, как в Турецкую. Там ведь в самом деле никуда. Тропа узкая, с одной стороны скала, с другой – пропасть. Хочешь не хочешь, а приходится рисковать. А тут? Да ни в жисть не поверю, чтобы в этой стенке еще одного пролома не было, пониже первого. Так ведь, Лексей Кондратьич?

Удача улыбнулась казакам где-то в часе езды от лагеря. Путь преграждала широкая, густо проросшая травой, а потому монолитная, словно мощеная дорога, осыпь. По ней, пусть и ведя лошадь в поводу, можно было подняться к прогалу в скалах, расположенному совсем невысоко, да к тому же широкому – телега с телегой разминется.

– Что я говорил? – торжествовал вахмистр. – Вот проход так проход! А они там «веревки, веревки...» Пусть друг друга и тягают на этих веревках, а мы сами, потихоньку. И лошадей не испугаем. А сопляку этому я шею намылю! Вот вернемся только... Ох и запомнит он у меня!

– Погоди, Петро, – остудил его пыл есаул. – Может, там тупик. Или еще какая пакость. Сперва, давай, проверим сами, а то на смех поднимут.

– Ничего там нет, – горячился казак. – Пройдем, не сумлевайтесь, Лексей Кондратьич!

Однако путь оказался не таким легким, как казалось. А виной всему цепкие колючие кусты, обильно заполонившие всю расселину и нипочем не желавшие пропускать людей к заповедному озеру. Пришлось рубить эту плетенку шашками, ежеминутно рискуя сломать верный клинок о прячущийся в зелени камень.

³ От фр. *défilé* – ущелье, узкий тесный проход между возвышенностями или водными преградами (в котором можно атаковать противника).

Мокрые, потные, исцарапанные в кровь и злые казаки с огромным трудом преодолели полосу препятствий, весьма напоминавшую обоим австрийские проволочные заграждения под Збручем, и оказались на берегу озера.

– Видали! И никаких гвоздей! Я со своими ребятами эти кустики под корень смахну и – ездай не хочу! И вся недолга! – радовался, что не придется теперь пугать горячо любимого толстобокого Фугаса, мирно жевавшего сочную траву, вахмистр.

Ехать к лагерю порешили по «озерной» стороне, чтобы удивить всех и публично посрамить проводника.

– Гляди-ка, Петро, – Коренных перегнулся с седла и сорвал мокрую ветку. – А здесь-то ливень был.

– Ясное дело! Где ж такие чудеса виданы, чтобы везде в округе дождь был, а в яме этой – ни капли! Полосой прошел, только и всего.

Чтобы не ломать лошадям ноги по травянистому склону, поросшему тем же предательским стелющимся кустарником, всадники спустились к самой воде и ехали по галечному берегу, то и дело показывая друг другу пальцем на широкие круги от плещущейся рыбы, расходящиеся по гладкой, как зеркало, поверхности. И по всему – не мелкой рыбы.

– Эх, приедем в лагерь, надо будет ребят спроворить да бредень сплести... – мечтал вслух вахмистр. – У нас на речке бывалоча как заведешь – десять ведер рыбы. Вся станица неделю уху трескает!

– А я до Германской с удочкой любил, – вздыхал есаул. – Выйдешь поутру на реку... Туман, тихо-тихо...

– Удочка – баловство! – отмахивался Мироненко. – Детская забава. Тут именно бредень нужен, альбо вообще невод...

Разговоры сами собой сошли на нет, когда, по прикидкам обоих всадников, они проехали то место, где должен быть лагерь, но его не нашли. Никаких следов. Даже сочная трава не была примята там, где вчера пылали костры, а ни на кустах, ни на деревьях не было и следа порубки.

– Чертовщина какая-то... – бурчали себе под нос то один, то другой, пока кони отмахивали версты по озерному берегу.

Солнце уже зацепилось за скалы на западе, когда казаки добрались до того места, где гряда стала совсем низкой и пологой. Настолько, что из-за нее наполовину выглядывал кедрач, растущий на другой стороне. Лагерь словно под землю провалился или почудился во сне.

Пристыженные и понурые, оба разведчика прибыли во «внешний» лагерь лишь к самой полуночи, чтобы поведать товарищам, успевшим уже переправить за скалы всех раненых и нескольких лошадей, об очередной загадке «заколдованного места» и выслушать все их насмешки.

Больше всех радовался неудаче своих недругов «Митрофан Калистратович», слова которого подтвердились полностью. Опытным, так сказать, путем.

* * *

– Знаете, что я думаю, Алексей Кондратьевич...

Офицеры сидели на поваленном дереве и наблюдали за процессом рыбалки, разворачивающимся прямо под ними. Казаки и драгуны, раздевшись до исподнего так, что и не различить, кто из них офицер, а кто – «нижний чин», под руководством бегающего взад-вперед по берегу вахмиистра Мироненко с шутками и прибаутками заводили громадный бредень, претендующий на звание даже не невода, а целого морского трала. Еще дальше по берегу

десяток казаков купали коней, тянуло ароматом варящейся на костре каши, стучали топоры дровосеков...

– Мы совершенно зря расположились прямо перед входом в заповедную котловину. Нужно переносить лагерь, пока мы еще не слишком плотно обустроились.

– Согласен с вами целиком и полностью, Владимир Леонидович, – поддержал его есаул. – Большой пост в расселине не выставишь. А ну как красные подкрадутся ночью и снимут часовых? Мы у них будем как на ладони. Из наших же пулеметов порежут всех, будто перепелов. Я за то, чтобы перейти на противоположную сторону озера и обосноваться там.

– Вы меня не поняли, есаул, – поморщился Еланцев. – Я предлагаю вообще уйти из котловины.

– Как? Покинуть это место? Зачем? Да тут же действительно можно пересидеть зиму, набрать сил...

– Нет, это место мы не покинем, – терпеливо, словно малому ребенку, начал объяснять полковник. – Просто перевалим хребет и обоснуемся по ту сторону. А можем вообще уйти куда глаза глядят.

– А красные?

– Нет тут никаких красных.

– Не понимаю, – напрягся казак.

– Видимо, я не слишком хорошо объясняю, – вздохнул офицер. – Я ведь человек военный, красноречием не силен... Да и науки в свое время постигал сплошь прикладные. Вроде тактики или баллистики... Понимаете, наш уважаемый медик давеча высказал одну гипотезу... Ну, предположение одним словом... Да, кстати, вон он и сам идет со своим приятелем-путейцем. Можно вас на минутку, Модест Георгиевич! – позвал он, привстав.

Интеллигенты, только что спорившие до хрипоты, тыча друг другу в лицо какую-то веточку, разом оборвали диспут и приблизились к офицерам.

– Доброе утро, господа, – поздоровался полковник. – Вы не откажетесь, господин доктор, поведать нам с есаулом свои догадки, которые вы так горячо вчера отстаивали передо мной?

– Отчего же нет, милостивые государи, – важно отвечивал Привалов, жестом предлагая своему коллеге-путейцу присесть рядом с казаком, а сам настраиваясь на длительную лекцию.

Слушатели терпеливо ждали.

– Что мы имеем на данный момент времени, господа? Мы имеем следующее: пройдя некую расселину в горной гряде, окружающей некую долину, предположительно – метеоритный кратер, мы попали на некую территорию, разительным образом отличающуюся от всего, ранее известного нам.

– А из чего это следует, позвольте спросить? – не удержался есаул.

– Резонный вопрос, – улыбнулся медик. – Но постараюсь ответить. Первое, самое безобидное. Там, снаружи, идет дождь, под которым мокнут несколько десятков людей, но тут, по эту сторону горной гряды, никакого дождя нет. С этим вы спорить не будете?

Несогласных не нашлось.

– Кстати, температура воздуха снаружи и здесь сильно различается. Это я выяснил экспериментально. Снаружи ночи становятся холоднее и холоднее, как и должно быть в здешних широтах на исходе лета, но тут лето продолжается в полном объеме.

– Разве так может быть?

– Не торопитесь – всему свое время. Итак, одну загадку мы уже записали. Метеорология. Второе – несоответствие времени.

– Как это?

– А вот так. Помните, Алексей Кондратьевич, как вы рассказывали у костра о своем происшествии? Ну, тогда, когда ваши спутники полчаса ожидали вас внутри, хотя вы, по вашим словам, отстали от них всего на какие-то секунды.

– Помню. Но что это дает?

– Просто так, визуально, ничего. Но я опять-таки проделал серию экспериментов. Для этого мне, естественно, потребовался помощник. Присутствующий здесь Михаил Семенович, если вам будет угодно.

Гаврилович привстал и поклонился.

– Мы с Михаилом Семеновичем сверили часы до секунды, а затем я принялся ходить по расселине от одного ее выхода до другого. После каждого прохода мы сверяли показания наших приборов. В тридцати семи случаях из пятидесяти часы показывали одинаковое время или отклонения составляли какие-то секунды, но в тринадцати показания моих часов отклонялись от контрольных на значительные величины. От минуты до тридцати шести минут. Причем в обе стороны!

– Как это, в обе стороны? – не понял есаул.

– В ряде случаев часы спешили, в других – отставали. Из этого я сделал вывод, что время в расселине течет неравномерно и это явление само по себе невозможно. Значит, записываем в загадки. Ну и третья загадка, самая, если так можно выразиться, загадочная.

Приват-доцент сделал трагическую паузу.

– Ваше, Алексей Кондратьевич, с вашим подчиненным «кругосветное» путешествие. Многие из нас повторяли его, и все имели возможность убедиться, что попасть в нашу долину иначе, чем через расселину, именуемую господами офицерами «дефиле», невозможно! – Привалов победоносно оглядел троих слушателей. – Более того, пробравшись внутрь той, внешней долины, через указанный господином есаулом лаз, я разыскал там расселину и проделал обратный маршрут, справедливо посчитав, что, возможно, попаду в иное место. Увы, я опять же вышел к нашему первому лагерю. Значит, пройти по расселине и попасть сюда, – медик притопнул ногой, – можно лишь в одном направлении: отсюда – сюда. А отсюда, соответственно, только туда. Согласитесь, что эти свойства расселины довольно необычны.

Слушатели были согласны, поскольку молчали, а знаком чего является молчание – понятно всем.

– И последняя загадка, господа! – торжественно объявил Модест Георгиевич. – Вот, смотрите!

Он протянул сидящим ту самую веточку, которой раньше размахивал перед носом у путейца.

– И что здесь примечательного? – не понял есаул, внимательно разглядев, понюхав и даже попробовав на зуб ветку с разлапистыми листьями. – Обычный клен.

– Вот именно! Клен!!!

– Ну и что?

– А то, милостивые государи, – тихо сказал медик, снял и протер пенсне. – Что клен в здешних местах не растет. По крайней мере – последние сорок-пятьдесят тысяч лет. Поэтому я могу со всей ответственностью утверждать, что, проходя через упомянутую уже расселину-дефиле, мы либо переносимся на полсотни тысяч лет в прошлое, что противоречит всем законам физики, либо... – Он водрузил свой оптический прибор обратно на нос, а затем снова зачем-то снял. – Мы в ином мире, господа. На том, так сказать, свете.

В гробовой тишине полковник наклонился к остолбеневшему есаулу и шепнул ему на ухо:

– Вот примерно то, что я хотел вам сказать...

4

Еремей Охлопков возвращался домой.

Полтора года он не был дома, но ничуть не жалел об этом. Не жалел он также ни о потерянных от цинги зубах, ни о подранном зверем и плохо зажившем бедре, из-за которого он с трудом передвигался, ни о давящем на плечи грузе. Именно из-за этого груза он и провел в тайге безвылазно восемнадцать месяцев, благо рядом с его лачугой бил незамерзающий ключ и можно было не прерываться на странно короткую зиму.

В небольшом, но увесистом «сидоре» Еремей нес главную на Земле ценность, тот самый металл, из-за которого, по мнению Мефистофеля, о существовании которого сибирский охотник никогда в жизни не слышал, гибнут люди.

Он нес золото. Много золота.

Почти полтора пуда тускло-желтого тяжеленного металла в песке и самородках, самый крупный из которых имел размер вполовину кулака взрослого мужчины, были аккуратно расфасованы по кожаным мешочкам. А те, в свою очередь, перестелены пушшиной, где-то, может быть, стоившей баснословные деньги, но тут, рядом с драгоценным грузом, всего лишь отлично заменявшей вату. Шестьдесят, без малого, фунтов червонного золота, которые давили сейчас на исхудалые плечи старателя, должны были сделать его богачом, дать вырваться наконец из капкана нищеты, в которой зачухали отец и дед Охлопкова, да и прочие его предки от сотворения мира. Ибо не верил бедняк Еремей, что жил кто-то из его пращуров лучше, чем он. Иначе к чему поперлись бы следом за Ермаком на край света в погоне за призрачным достатком, но так и не обрели его в богатейшем для всех других краю.

«Избу поставлю... пятистенок... – в стотысячный раз мечтал, шевеля губами, скрывающими распухшие беззубые десны, Еремей. – Корову куплю... лошадь... Шарабан справлю... на резиновом ходу... на ярмарку, в Кедровогорск... мануфактуры накоплю, конфет Надьке...»

Больше ни на какие мечты неразвитый мозг неграмотного мужика способен не был, поэтому он снова и снова, как заезженная патефонная пластинка, скользил мыслью по привычному кругу: «Изба... корова... лошадь...» И снова, и снова...

– Стой! – раздалось прямо над ухом, и Еремей, споткнувшись от неожиданности, свалился в траву, выставив перед собой свою ржавую берданку без патронов, на которую опирался при ходьбе, будто на посох.

– Не подходи! – заверещал он, пытаясь откинуть лохматый перепревший треух, сползающий на глаза при каждом движении. – Не подходи, убью!..

– Опустит пукалку-то! – рассмеялся молодой голос. – Ты кто такой, дядя?

Еремею наконец удалось сбросить шапку, и он разглядел своими гноящимися глазами двух всадников на стройных, совсем не крестьянских конях. А также – форменные, лихо заломленные фуражки с голубым околышем, широкие лампасы на галифе и длинные шашки на боку...

«Стражники... – запаниковал Охлопков. – Казаки... По мою душу...»

Он опустил ствол бесполезного ружья, кое-как поднялся на дрожащие ноги и заканючил:

– Господа казаки... Ну что вам надо от бедного прохожего... Отпустите меня Христа ради...

Старший из казаков нагнулся, ловко выдернул берданку из слабых пальцев и с трудом открыл ржавый затвор.

– Тю-у-у!.. Да она не заряжена! Ты что это, лапотник, с ружьем без патронов по лесу шастаешь?

– Да-а... вот... – замямлил Еремей, стараясь не поворачиваться к казакам спиной с мешком, полным золота.

– Вот что, – порешил казак. – Давай, прохожий, топай вперед. Командир разберется, кто ты и откуда. А наше дело маленькое. Пошел.

И мужик поплелся вперед, между двумя неторопливо ступающими конями, кляня себя за то, что вышел в путь так рано. Хотел по теплу до дома добраться, придурок! Ну разве нельзя было потерпеть еще неделю-другую? Что с того, что патроны кончились почти год назад, соль еще раньше и все это время приходилось питаться жареной несоленой рыбой и пить чай из сосновой хвои? Зато еще пару фунтиков золота намыл бы...

– Эй, прохожий? – раздался сзади ленивый голос. – Тебе мешок твой не тяжело тащить? Могу пособить.

Не оборачиваясь, Еремей затряс головой и попытался подпернуть мешок повыше.

– Ну, хозяин-барин... Тащи сам свое богатство... Что там у тебя?

– Злато, наверное, – хохотнул второй казак. – Али серебро.

«Знают! – обожгла охотника мысль. – Все прознали, мазурики! Следили! Ну, теперь все...»

Охлопков внезапно почувствовал, как земля уплывает у него из-под ног, а потом трава вдруг взмыла вверх и так сильно ударила его в лицо, что он полетел в темноту, не успев закончить мысль...

* * *

– Вы кого это притащили? – есаул брезгливо, носком сапога откинул в сторону облезлый трюх, закрывавший лицо лежащего перед ним на траве человека – даже через такую же облезлую доху было видно, какой он тощий, буквально кожа да кости. А уж дух от него шел...

– Да вот, вашбродь, – доложил урядник Ляхов. – Едем с Гришаней по лесу, видим этот вот оборванец топает. Смекаем: не наш. Ну и пугнули его. Хотели своим ходом доставить, отконвоировать, стало быть, а он возьми да и шмякнись оземь. Думали, помер, ан нет – дышит. Может, падучая⁴ у него?

– Вот, у него было! – второй казак протянул есаулу ржавую донельзя винтовку системы Бердана и увесистый даже на вид мешок с ляжками. – А больше – ни крохи.

Коренных принял мешок, взвесил на ляжках.

– Что в мешке, смотрели?

– Никак нет, вашбродь!

Не собираясь даже возиться с засаленным шнурком, стягивающим горловину, офицер вынул из ножен шашку и ткнул в грязную мешковину. Сперва из распоротого нутра вылез комок перепревшего вонючего меха непонятной уже расцветки, а потом...

– Так, – распорядился Алексей, подбрасывая на ладони замысловатой формы тяжеленький кусочек желтого металла. – Бедолагу этого – в лазарет, к господину Привалову. И чтобы глаз мне с него не спускать! А мешок этот – в штаб. Просыплете хоть крупинку – заставлю на карачках ползать, пока все до песчинки не соберете.

⁴ Падучая [болезнь] – эпилепсия.

* * *

Груда золота, высыпанного посреди дощатого стола на какую-то наспех подстеленную тряпицу, поражала воображение.

– Да тут на тысячи рублей! – ахнул, не сдержавшись, штаб-ротмистр. – Старых, николаевских.

– Думаю, что больше – на десятки тысяч, – возразил полковник Еланцев, выгребая из тускло поблескивающего кургана изящный самородочек, напоминающий ящерку. – Точнее можно будет сказать после взвешивания.

Он рассмотрел золотую ящерку во всех подробностях и снова кинул обратно в общую кучу.

– Но меня сейчас больше интересует другое: откуда такое богатство у нищего обрванца?

– И откуда он тут вообще взялся, – вставил есаул.

Офицеры повернулись к Привалову, увлеченно изучавшему у окна один из самородков, поворачивая его на ладони так и эдак.

– Когда можно будет допросить хозяина этого сокровища, Модест Георгиевич?

– Что? – оторвался тот от своего занятия. – Ах, да... Не скоро, Владимир Леонидович, боюсь – не скоро. Данный индивидуум крайне истощен, имеет все признаки цинги и, скорее всего, повредился в рассудке. В сознание он пока не приходит, но в бреду все время твердит о своих планах относительно своего золотого капитала. За дословность не поручусь, но мечтает поставить что-то вроде пятистенки...

– Пятистенка, – поправил есаул Коренных. – Изба такая – пятистенок.

– Это в форме пятиконечной звезды, что ли? – изумился чистокровный горожанин Зебницкий. – Право, чудно как-то, господа! Неужели большевистская зараза уже так прочно укоренилась в местных умах?

– Я вам потом объясню, штаб-ротмистр, – глянул на поляка полковник. – Сейчас архитектурные изыски аборигенов к делу отношения не имеют. Продолжайте, пожалуйста, Модест Георгиевич.

– Ну и все такое – лошадь, корова, телега... Мечты простого мужика-землепашца. Видимо, он намыл это золото где-то в тайге, и оно, как сплошь и рядом водится, свело его с ума.

– Намыл? Таковую кучу? Не может быть.

– Почему не может? Еще как может. Особенно, если месторождение богатое, а времени было достаточно. Думаю, что бедняга провел в тайге очень много времени.

– И от чего он впал в беспамятство, как вы думаете?

– Трудно сказать, – пожал плечами врач. – Прежде всего – дистрофия. Я вообще не представляю, как он протянул столько, ведь создается такое впечатление, что последние месяцы он вообще ничего не ел. Желудок съежился настолько, что даже полчашки бульона, влитого через катетер, почти тут же исторгаются обратно. Ну и психический шок. Ему, наверное, показалось, что это золото у него отняли навсегда. Поэтому, господа, я всерьез опасаясь за его психику – она и без того сильно расшатана.

– Показалось? – переспросил Зебницкий. – Почему показалось? Разве это золото не...

– Ни в коем случае, – твердо заявил полковник. – Мы с вами не большевики, чтобы заниматься экспроприациями. Оставим это безобразие красным. Данное золото – собственность человека, который его добыл, и мы с вами не вправе присвоить хотя бы крупинку. Кто со мной не согласен?

Несогласных не нашлось...

* * *

Еремей открыл глаза и тут же снова зажмурил их, ослепленный белизной, царящей вокруг. А еще – красотой женщины в белом, которая ласково глядела на него, словно Богородица с иконы.

«Все ясно, – подумал он, изумившись той простоте и легкости, с которыми это подумалось. – Я помер и попал в Рай. Я сейчас на небесах, а баба эта не баба вовсе, а ангел небесный... Правду говорил батюшка в церкви: трудами праведными и смирением заслужим мы Царствие Небесное...»

И от этих мыслей Еремею сделалось так хорошо-хорошо, что прямо хоть ложись да помирай. Хотя, зачем помирать, если он уже помер? Да и лежит уже вроде бы.

– Очнулся... очнулся... – зашелестело над ним, и он на всякий случай еще плотнее сжал веки: а то увидят, что живой, разберутся, да снова на землю...

Ох, как не хотелось мужику, только-только ощутившему себя в раю, обратно на землю. Назад, к сохе, к тяжелой рудничной тачке, к промывочному лотку... Снова трудиться от зари до зари, перебиваться с сухарей на воду, чтобы заработать гроши, которые снова утекут, как вода сквозь пальцы...

– Вы пришли в себя? – раздался над ним густой, как у батюшки, баритон, которому невозможно было не подчиниться. – Откройте глаза!

«Наверное, это сам Господь! – испуганно подумал мужик. – Как же его не послушать-то. Осерчает ведь. Враз из ангельской братии рассчитает...»

Он распахнул глаза и снова зажмурился, не в силах выдержать бьющий в глаза свет.

– Прикройте шторы, – распорядился баритон. – Разве не понимаете, что он отвык от дневного света? Так лучше?

– Лучше...

– Кто вы такой?

«В очках... Разве Господь носит очки?..»

– Еремей... Еремей, Пантелеймонов сын... Охлопковы мы...

– Откуда вы, Еремей Пантелеймонович?

– Кирсановские мы... Не с самой Кирсановки, а рядом – с деревни Корявой...

* * *

Еремей покачивался в седле, опустив голову, и думал, думал, думал...

«Неужто так может быть, чтобы совсем незнакомые люди вылечили, накормили, обогрели, одежонку новую справили, да еще и золото мое, потом и кровью заработанное, не отняли? Ни щепотки себе не взяли – все вернули, да еще двух провожатых с ружьями дали. А главное – конем ссудили. Ведь пешедралом-то я бы до дому месяц шел, а на коне – за неделю управился...»

Никак не укладывалось в темной крестьянской голове, что так можно: не ограбить, не обидеть мужика, а, наоборот, помочь. До сего дня такое с ним никогда не приключалось, и не слышал он о таком. Баяли, правда, что большевики хотят всех счастливыми сделать, землю дать, не притеснять... Да и тут получилось, как в сказках, – наоборот. Вместо благодати одно лишь притеснение от большевиков Еремей увидел. Пару лет назад понаехали весной перед самым севом городские с винтовками да с кумачовым флагом на бричке и отобрали зерно у всей деревни. Вой стоял по всей Корявой – коли нечем сеять, убирать тоже будет нечего. А значит – опять хлебушек пополам с тертой корой, опять тающие, как воск, детишки, новые кресты на сельском погосте...

Так и позарастали тощенькие крестьянские наделы – кто к Колчаку ушел, да и сгинул вместе с ним, кто, как Еремей, охотничать подался... Да вот только охотой сыт не будешь: соболя да куница просто так в руки не даются. Пришлось уходить все дальше и дальше от дома, возвращаться все реже и реже. Вот Еремею-то счастье улыбнулось – набрел он на золотую речку, а каково другим землякам?

– Все, – остановил коня урядник Ляхов, старый знакомец, некогда подобравший бедолагу посреди тайги. – Дальше не велено нам. Прощевай, деревня!

Еремей неловко соскочил в палый, уже пожухший от ночных морозцев лист. Сквозь реденькую занавесь облетевших деревьев виднелась родная деревня. Ох как хотелось мужику соколом проехаться по единственной улице на лихом казачьем коне!

– Может, продадите конька, а, служивые? – безнадежно, в который раз, протянул он. – Я не поспею. Хошь, полную шапку золота отсыплю?

Казак переглянулись и расхохотались.

– Иди-иди, мильёнщик! – Гришаня, племянник Ляхова, перехватил уздечку коня. – И мильён свой не забудь.

Охлопок вздохнул и принялся отвязывать от седла мешок с золотом. Не тот свой латаный-перелатаный, пальцем прорвать можно, а фабричный солдатский «сидор» добротной английской работы. Не пожалели для прохожего доброй вещицы странные «господа».

– В общем, слухай сюды, деревня, – нагнулся с седла урядник. – Топай сейчас домой, разузнай, как там что, и завтра в это время мы тебя ждем в том месте, где прошлую ночь ночевали. Нас не ищи. Просто сядь к кострищу и огонь затепли, будто греешься. И не дай бог кого с собой притащить – ни тебя тогда, ни его не пощадим. А про то, что господин полковник тебе говорил, – заруби на носу. Про место тайное – молчок. Ляпнешь кому – найдем и душу вынем.

Казак говорил вроде бы добродушно и не зло, но по глазам читалось, что слова эти – не пустопорожняя болтовня. Такие в самом деле найдут и вынут. И кровь для них людская, как водица... Свят-свят-свят.

– Ну, покедова, деревня!..

Казак тронули коней с места и исчезли в молчаливом осеннем лесу. Вот были – и нет их, словно почудилось.

Еремей перекрестился, суеверно сплюнул три раза через левое плечо, вздохнул, пристроил тяжелый мешок за спину и торопливо зашагал домой...

5

Разведчики, посланные проводить до дому незадачливого золотоискателя, возвратились, когда за «дефи́ле» уже лег первый снег.

Как и предсказывал Модест Георгиевич, в Новой России наступление зимы откладывалось на неопределенное время. Даже с теплолюбивых кленов красные и желтые листья только-только начали облетать, а более стойкая растительность все еще радовала глаз почти летними красками. Как и в покинутом мире, перелетные птицы тянулись на юг, причем утки порой опускались на безымянное озеро такими стаями, что оно чуть ли не полностью скрывалось под серыми и черными тушками. Для охотников, которых среди новопоселенцев оказалось множество, настала горячая пора – уток стреляли сотнями и коптили про запас, чтобы было с чем скоротать первую зиму. Урожай грибов тоже выдался отменный, и, пользуясь последними теплыми деньками, женщины отряда чистили, резали и развешивали их на длинных нитках для просушки. Вовсю трудилась и «рыболовная артель». Так что голодная зима отряду, кажется, не грозила. Угнетало отсутствие хлеба, но Привалов уверял в пригодности здешних почв к земледелию, поэтому оставалась надежда на хлеб в будущем году.

Увы, боевой дух «новороссов» заметно упал, когда разведчики доложили то, что им удалось разузнать в окрестностях Кирсановки. Слава богу, полковник велел не выносить «новости» из узкого круга офицеров, так что большинство поселенцев пребывало в счастливом неведении.

Большевики окончательно и бесповоротно взяли верх по всей территории России, и надежды на возвращение старого порядка не осталось. Последние отряды, подобные «армии» полковника Еланцева, либо погибли в неравных боях с превосходящими силами красных, либо сдались в плен, что было равносильно гибели, либо вынуждены были прорываться за кордон – в Китай. Оставалось что-то похожее на старую власть на Дальнем Востоке, где провозгласили независимую от остальной Советской России Дальневосточную Республику, но и там дни ее, кажется, были сочтены. Офицеры в очередной раз убедились в правоте Владимира Леонидовича, и немногочисленные «оппозиционеры» как-то незаметно перебрались в общий лагерь. Никто даже не поднимал больше вопрос о каких-то активных действиях против красных.

Где-то в середине декабря вестовой разбудил полковника в неурочный час. Зимнее солнце еще не собиралось подниматься из-за горизонта, и Еланцев долго не мог понять, почему его будят в пять утра.

– Владимир Леонидович, – зашептал старый служака на ухо командиру. – Алексей Кондратьевич прислал казака и просил вас без шума приехать к Воротам.

«Что там стряслось? – озабоченно думал Еланцев, одеваясь и застегивая португепю. – Неужели красные раскрыли наше местонахождение? Как некстати...»

Сопровождаемый своим «Санчо Пансой», полковник пересек не собирающийся еще пробуждаться поселок и направился к «дефи́ле», местность возле которого, после выпавшего все-таки хоть и с большим опозданием снега, выглядела, как и задумывалось, совершенно девственной. Если не считать узенькой тропки, вьющейся вокруг озера.

Есаул Коренных встретил командира перед Воротами, загадочно улыбаясь, и у Еланцева при его виде отлегло от сердца: все-таки, будь угроза реальной, есаул вряд ли выглядел бы таким спокойным.

– В чем дело, Алексей Кондратьевич? – спросил он после традиционного приветствия.

– Нашествие, Владимир Леонидович, – улыбнулся казак.

– Как?.. Что за нашествие?

– Пойдемте, поглядите сами, – указал есаул на зев «дефи́ле», едва различимый среди заснеженных скал.

Миновав узкий проход, дно которого давно было расчищено от камней и выровнено, а также прочную дверь, теперь разделяющую расселину на две половины, офицеры вышли к площадке перед входом, где теперь были установлены оба пулемета, обложенные мешками с песком, а вдоль стен тянулись полки с запасными лентами и ручными гранатами. Боеприпасов хватило бы, чтобы удержать здесь целый полк нападающих. Карабкаться под пулеметным огнем на скалы – не шутка. И без артиллерии взять неприступную твердыню вряд ли удалось бы.

– Взгляните, – протянул есаул полковнику полевой бинокль. – Да нет, не туда, а вниз.

Еланцев навел на резкость и охнул: внизу, на опушке леса, был разбит целый лагерь, наподобие цыганского табора. Пара десятков телег, распряженные лошади, коровы, несколько десятков овец, козы... Между разожженными прямо в снегу кострами бегали ребятишки, деловито сновали взрослые – мужчины и женщины, слышался разноголосый гвалт, стук топора, собачий лай, мычанье и блеянье.

– Это что еще за ноев ковчег? – нахмурился Владимир Леонидович, опуская бинокль.

– Не могу знать, – улыбнулся Коренных. – Но подозреваю, что сие безобразие – дело рук одного из наших знакомых.

– Что еще за знакомый?

– Ну и коротка же у вас память, Владимир Леонидович! Не помните?.. Кстати, похоже, вот он собственной персоной.

Видимо, разглядев блеск линз бинокля (восходящее солнце било прямо в глаза наблюдателям), от «табора» отделилась одинокая фигурка и, задрвав вверх обе руки, направилась к заметной снегом тропке, ведущей к расселине. Не дойдя нескольких метров, фигурка рухнула на колени прямо в снег и заголосила, не опуская рук:

– Господин полковник! Владимир Леонидович! Ваше высокоблагородие! Не стреляйте ради бога! Христом-Богом прошу – не стреляйте! Это я, Еремей Охлопков!

– Черт возьми, вы правы, есаул! И что тут нужно этому Еремею? Да еще со столь многочисленной свитой. Киньте-ка ему веревку – пусть поднимется.

– Правильно, – ухмыльнулся один из пулеметчиков в казачьем башлыке поверх меховой шапки. – А то отморозит себе чего в снегу-то...

Вознесение блудного Еремея «на небеса» прошло без особенных осложнений, поскольку веса в мужичонке было едва ли четыре пуда. Едва освободившись от веревочной сбруи, Охлопков снова пал на колени, подполз к полковнику и принялся целовать полу его шинели.

– Не оставь благостью, батюшка! Спаси нас и сохрани!..

– Прекратите эту комедию, – брезгливо вырвал шинель из цепких рук полковник. – Встаньте на ноги и доложите связно, что там у вас стряслось. И без лирических отступлений, пожалуйста.

Увы, без «лирических отступлений» не обошлось. Но если отбросить многочисленные жалобы на горькую судьбу и мольбы, всхлипы и попытки снова пасть на колени перед «благодетелями», картина вырисовывалась следующая.

Пунктуально выполнив обещание, данное полковнику, и передав его посланцам все сведения, которые только мог добыть, золотоискатель вернулся в деревню, и та загуляла. Загуляла широко, по-русски, с гармонью и тройками под бубенцами...

Перво-наперво счастливчик с многочисленными братьями, сватьями, кумовьями и прочей родней (а в родне у него была, почитай, вся деревня) на нескольких телегах нагрязнул в Кирсановку, до которой было, по сибирским меркам, рукой подать – всего каких-то шестьдесят верст. Там корявинцы подчистую скупили все съестное и спиртное, которое прижи-

мистые кирсановские куркули в это не слишком-то сытое время согласились продать. Платил счастливчик, разумеется, золотым песком. Слава богу, кто-то надоумил гуляку не брать с собой весь «сидор», а ограничиться всего двумя фунтами драгоценного металла, которые ушли без остатка на закумуфлированный под «монопольку» самогон, закуску и подарки многочисленным сестрам, теткам, снохам, кумам и остальной родне женского пола, а то стало бы с него брякнуть на чей-нибудь прилавок все полтора пуда лишь из одного русского удалства.

И грянул пир на весь мир.

Деревня сосредоточенно напивалась целых пять дней, а на шестой, как водится у нас сплошь и рядом, пришло горькое похмелье.

Нет, спиртного еще оставалось вдоволь и закуска не перевелась, танцоры еще не отбили ноги, а музыканты, правда, порвав пяток гармошек, все-таки оставались при инструментах. А уж что до частой гостии в наших палестинах, госпожи Белой Горячки, так до нее было совсем далеко – пятидневный запой для нашего человека не более чем разминка. Дело было совсем в другом...

Похмелье явилось к селянам в виде местного отряда ЧОН⁵ во главе с бескомпромиссным борцом с контрреволюцией во всех ее многочисленных и разнообразных проявлениях товарищем Янисом Пуркиньшем.

Нагрянув рано поутру, деловитые «чоновцы» под рев запертых в стойлах недоенных коровенок профессионально повязали непроспавшихся после вчерашнего (а также позавчерашнего и более раннего) корявцев... корявчан... словом, обитателей Корявой и принялись сортировать: кого под замок, в превращенный в импровизированную тюрьму пустующий склад давным-давно сгнувшего за границей лесопромышленника Тупеева, а кого – временно – под домашний арест по избам. В результате в «холодной» (в прямом смысле холодной, поскольку склад не отапливался принципиально) оказалось две трети мужского населения деревни, исключая мальцов до четырнадцати и стариков от семидесяти пяти лет.

А потом начались повальные обыски.

Бойцы товарища Пуркиньша взламывали полы в тех домах, где оные были, распарывали подушки и перины, протыкали штыками сено и соломенные крыши, перерывали навозные кучи и даже пытались раскапывать уже прихваченные морозом на полуметровую глубину огороды. За все годы Гражданской войны, когда деревня не раз переходила из рук в руки и красным, и белым, и разнообразным зеленым, сельчан не постигала подобная беда. Даже святые иконы и те не щадили безбожные ироды – расщепляли пополам в поисках скрытых тайников!

Но когда ничего не найдя и отчаявшись выпытать у сидельцев «холодной», где «контра» прячет золото, пламенный латыш пообещал расстреливать по одному арестованному «контрреволюционеру» в час, чаша русского долготерпения оказалась переполненной.

В ночь перед первым расстрелом (эта честь выпала, конечно же, невезучему Еремею Охлопкову) деревня взялась за топоры. И не только за топоры. Из тайников, до которых не смогли добраться ни царские жандармы, ни колчаковцы, ни красные, ни зеленые, были извлечены тщательно сберегаемые обрезы, «винтари», «берданки» и прочее оружие, среди которого изумленный эксперт, оказавшись он там невзначай, узнал бы даже кремневые фузеи петровских времен и совсем уж древние, фитильные еще, пищали. Эх, не знал урожденный рижанин русской поговорки: «Не буди лихо, пока оно тихо». Да и откуда ему, европейцу, пусть и не слишком западному, такое знать?

⁵ ЧОН (части особого назначения) – в 1919–1923 гг. военно-партийные отряды, создававшиеся при заводских ячейках, горкомах и райкомах для помощи советским органам в борьбе против контрреволюции.

– Вот и заперли, значит, аспидов в сельсовете, двери кольями подперли, а окна досками зашили, – завершил свою горестную исповедь Еремей. – Хотели вообще подпалить сгоряча, да батюшка наш, отец Иннокентий не дал греха смертного совершить. Той же ночью собрали все, что смогли, и ушли всей деревней сюда... А под утро буран начался, так все замело, что следов наших и с собаками не сыскать. Сами чуть не заплутали в круговерти-то. Так что ты не беспокойся, благодетель наш, – не найдут аспиды сюда дороги.

Еремей замолчал и снова рухнул в ноги полковнику.

– Один я виноват, батюшка! – снова заголосил он. – Мне и ответ держать! Хошь – стреляй меня, хошь – вешай, только не оставь людишек без помощи!

Ответом ему был громовой хохот.

– Ну насмешил ты меня, Еремей, – вытер слезящиеся глаза Владимир Леонидович. – За что же мне тебя расстреливать? За то, что вы заперли в избе наших врагов?.. А люди нам нужны. Только одно условие: обратной дороги не будет. Всякий, кто сюда войдет, тут и останется. Согласны твои односельчане на такое условие?

– Согласны, батюшка!

– Ох, и хитрован ты, Еремей! – погрозил пальцем полковник. – Снова, поди, собираешься золотишко мыть? Учти, нам искатели удачи не нужны, а нужны честные труженики – землепашцы, кузнецы, плотники...

– Какая уж тут удача... – вздохнул мужик. – Поманила меня Жар-Птица и сгинула без следа...

– Ну, это еще бабушка надвое сказала – сгинула она у тебя или нет. Алексей Кондратьевич, распорядитесь начать переброску этого... – полковник помялся, подбирая верное слово, – ополчения на нашу сторону.

– Где размещать?

– Сперва разместим в поселке, а потом выделим им место на выбор – пусть строятся. Я думаю...

– Так что мне своим-то сказать? – вклинился Еремей в разговор офицеров, напряженно перебегая глазами с одного на другого.

– Ты еще здесь? Алексей Кондратьич, отправьте его вниз, пусть готовит сельчан к переброске.

– Ура-а-а! – завопил мужик, пулей выскочил наружу и, не дожидаясь, пока казаки распутают веревочную сбрую, прямо на собственной заднице, в облаке снежной пыли стремительно скатился по склону вниз.

– Жаль, что у нас нет фотографического аппарата, – покачал головой полковник при виде этого самоубийственного трюка, убедившись, что сорвиголова не только не свернул себе шею, но бодро выкарабкался из сугроба и поспешил к встретившему его всеобщим ликованием «табору». – Многие европейские и американские газеты выложили бы кругленькую сумму за документальное свидетельство сего мирового рекорда.

– Да, мы, русские, такие! – гордо подтвердил есаул, подкручивая ус...

* * *

Полковник Еланцев был с головой погружен в работу, когда его оторвал от бумаг деликатный стук в дверь.

– Да-да, – с досадой отложил он карандаш. – Войдите!

Для досады имелись резонные основания, поскольку Владимир Леонидович был уверен, что это опять кто-то из интеллигентской братии – Модест Георгиевич с очередным открытием на ниве зоологии или ботаники, которые в последнее время сыпались, как из Рога Изобилия, его коллега Гаврилович или главная сестра милосердия Ольга Сергеевна Браи-

ловская по какой-либо нужде своего дамского кружка. Последнего визита полковник боялся больше всего, поскольку у всех дам давно уже были амуры с офицерами и, рано или поздно, этим отношениям следовало придавать официальный статус. Как при этом обойтись без священнослужителя Еланцев себе не представлял совершенно. Не в конторской же книге, по примеру большевиков, записывать новобрачных!

Дверь приоткрылась, и, чуть пригнувшись, в тесную «каюту» полковника (поселок состоял всего из пяти длинных полубараков-полуземлянок, и мириться с теснотой приходилось всем) вошел высокий бородатый мужчина лет тридцати в длинном черном одеянии. Поискав взглядом, он перекрестился на крошечный дорожный образок, который Владимир Леонидович всюду возил с собой еще с первой своей войны, и замер, сложив руки на объемистом животе, ласково глядя на вопросительно поднявшего бровь полковника.

– Вы ко мне, батюшка? – поинтересовался Еланцев, признав в вошедшем священника. «Ого! Вот и решение проблем! Господь услышал мои мольбы...»

– К тебе, сын мой, – пророкотал густым дьяконским басом священник, годящийся полковнику если не в сыновья, то в племянники, но никак не в отцы. – Разрешите представиться – отец Иннокентий. Настоятель храма села Корявое. Бывший.

– Еланцев, Владимир Леонидович. Полковник. Некогда ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка. Тоже бывший.

– Очень приятно, Владимир Леонидович.

– Присаживайтесь, отец Иннокентий. И по какому же вы вопросу ко мне?

Священник присел на краешек табурета для посетителей и степенно огладил бороду, прикрывающую наперсный крест. По всему было видно, что молодой батюшка изо всех сил пытается держать себя в руках, хотя заметно волнуется.

– Приходом к тебе послан, сын мой, – начал он после паузы. – Волею Господа пришлось нам оставить свой храм нечестивым безбожникам...

– Я знаю об этом, – кивнул Еланцев, уже понимая, куда клонит поп.

– А посему пришел я просить соизволения заложить в селе Ново-Корявое часовню.

– Почему же у меня?

– Вы, полковник, единственная законная власть, – развел руками священник. – У кого же еще?

Полковник помолчал.

– А почему же Ново-Корявое, батюшка?

– Миряне так решили, господин полковник.

– А вы как к такому названию относитесь?

– На все воля Божья... Благозвучием сие не особенно отличается, но что делать? Село Корявое стояло много лет перед тем, как меня назначили настоятелем тамошнего храма, – вздохнул отец Иннокентий...

Часть 2 Гаммельнский Крысолов

1

«Господи! Когда же закончится эта бесовская революция?..»

Профессор Синельников, часто останавливаясь и подолгу отдыхая на каждом лестничном пролете, поднимался к себе домой. Парадное, превращенное «освобожденным пролетариатом» в некую помесь дровяного склада и отхожего места, отнюдь не радовало глаз. Да ладно бы хоть так! Нет, мало им удовлетворения материальных и физических потребностей – они берутся удовлетворить и, так сказать, духовные. И, как и во всем, – строить заново, так строить – начинают с «наскальных росписей». Однако кроманьонцы в отличие от своих далеких потомков хотя бы не умели писать.

Опершись на палку, Аристарх Феоктистович прочел свежий образчик такого «искусства», украсивший некогда сияющую венецианской штукатуркой «под мрамор», стену. «Буржуёв к стенки!» О, темпора, о морес!⁶

Мог бы подумать хотя бы восемь лет назад блестящий профессор Московского университета, что когда-нибудь дверь перед ним будет распахивать не вышколенная прислуга, а ему самому придется, напрягая близорукие глаза, пытаться попасть ключом в неудобную замочную скважину.

«Черт знает что... Черт знает что...»

Аристарх Феоктистович прошаркал растоптанными войлочными ботами по коридору, косо поглядывая на двери бывших ЕГО комнат, в которых ныне обретались вчерашние мастеровые и крестьяне, в последние годы заплонившие Первопрестольную. Особенно невыносимы были крикливые и непоседливые выходцы из бывших Западных губерний, охотно воспользовавшиеся ликвидацией пресловутой «черты оседлости». Профессор Синельников никогда антисемитом не был, и много этим фактом гордился в былые годы, но... Всему должен быть разумный предел.

А все проклятое «уплотнение»! Из восьми комнат некогда безраздельно своей квартиры в Варсонофьевском переулке старик владел сейчас всего двумя. И за это еще нужно сказать «спасибо» новой власти – некоторых коллег по университету лишили и этого.

«Господи! И кто это только придумал, что в свой собственный кабинет я могу попасть, только отомкнув дверь ключом...»

– Не зажигайте, пожалуйста, свет, – раздался негромкий голос откуда-то от книжного шкафа, и Аристарх Феоктистович выронил из разом ослабевших рук коробок со спичками, не преминувшими рассыпаться по полу.

«Неужели вор... – морщась от неожиданной боли за грудиной, профессор разом вспомнил все слухи о московских бандах, промышлявших в таких вот, как его, некогда богатых квартирах. – Этого еще мне не хватало...»

В полумраке затеплился фонарик, освещающий все, кроме того, кто держал его в руке.

– Извините, Аристарх Феоктистович, – извиняющимся тоном произнес «гость». – Я вас, наверное, напугал.

– Что уж там... – проворчал старик, чувствуя громадное облегчение: подобной вежливости от вора ожидать было глупо. Да и что по зрелом размышлении взять у старого ученого?

⁶ О времена, о нравы! (лат.)

Нечего. Разве могут кого-нибудь в такое жуткое время заинтересовать ящики, наполненные окаменелостями, да ряды мало кому понятных трудов, прячущихся за стеклами единственного, сохранившегося от большой библиотеки шкафа? Разве что на растопку для печек-«буржук» или на бумагу для самокруток.

Сколько раз за последние годы профессор Синельников жалел, что не поддался на уговоры коллег перебраться в иные, более спокойные и цивилизованные места. В Сорбонну, например, или в Кембридж. Да тот же Гейдельберг, в котором провел студенческие годы, во многом родной и близкий город. А то и пересечь океан, где в Северо-Американских Соединенных Штатах, совершенно не затронутых Мировой войной, бурно расцветает теперь академическая наука. Нет, уперся, старый дурень, со своим патриотизмом... Кому нужен твой патриотизм в стране, в одночасье ставшей чужой? В стране, народ которой, о счастье которого так пеклась в свое время русская интеллигенция, и он в том числе, считает теперь всех, у кого нет мозолей на руках, своим классовым врагом? И рад бы сейчас уехать, да только никто давно не зовет, связи в Европе потеряны, письма не доходят... Ехать на пустое место? Увольте, господа, – он давно уже перерос неприхотливый студенческий возраст. Да и здоровье не то... Нет, кости старого профессора будут лежать в родной земле, подобно костям горячо любимых им мамонтов, индрикотериев и риноцериев...

– Чем обязан? – сухо вато обронил Синельников, усаживаясь в свое кресло – ночной «гость» проявил такт и не занял хозяйское место, а всего лишь примостился на крохотном пуфике, на который при чтении на ночь профессор клал ноющие от подагры ноги. – Мы с вами знакомы? Или вы по поручению кого-нибудь из моих прошлых знакомцев?

– Увы, ни то, ни другое, – развел руками смутно виднеющийся в полумраке пришелец. – Я знаком с вами, так сказать, заочно.

– Читали мои труды?

– О, что вы! Сия премудрость не для моих мозгов!

– Тогда я не понимаю, что привело вас в мою скромную обитель. Да еще в столь поздний час.

Незнакомец явно не собирался ни грабить, ни убивать хозяина, поэтому первый испуг уже прошел, и интеллигент-пария уже уступил место вальяжному ученому мужу, хорошо знающему себе цену.

– Я пришел, чтобы предложить вам, профессор, – просто и открыто заявил мужчина, лица которого Аристарх Феоктистович по-прежнему не видел, – возможность спокойно заниматься своим делом, не отвлекаясь ни на какие бытовые проблемы.

– То есть уехать за границу? – понимающе кивнул ученый, не выражая ничем своего ликования: «Вот! Стоило только подумать!..»

– Нет, – тут же последовал ответ.

– Неужели где-то в многострадальной России имеется уголок, где проявляют интерес к окаменелым останкам давным-давно вымерших животных, которых ни подоить, ни зарезать на мясо нельзя? Даже сапоги из их шкуры не сшить, за неимением таковой. Не сохранилась-с!

– Есть, профессор. Но довольно далеко отсюда.

– Тогда сразу вынужден отказаться, молодой человек. Уже и годы не те, и вообще... Что я там найду такого, чего нет здесь? Те же, пардон, спартанские условия жизни, та же продуктовая карточка, то же презрение гегемона... Да еще переезд – катастрофичный сам по себе в нынешних условиях. Нет, мой друг, я вынужден отказаться сразу.

– Я это предвидел.

– Уж не потащите ли вы меня силой? – скрестил руки на груди профессор. – Напрасный труд, знаете ли...

– Нет, – кротко ответил незнакомец. – Но у меня есть нечто такое, что несомненно вас заинтересует. Вот, держите...

На стол перед Синельниковым, глухо стукнув о дерево, легла небольшая вещица.

– Можете зажечь свечу, профессор. Лупа в левом верхнем ящике стола.

– Все-то вы уже знаете... – недовольно проворчал старик, после нескольких неудачных попыток затеплив свечу.

После пяти минут напряженного изучения неведомой кости Аристарх Феокистович поднял на собеседника, умудрившегося снова остаться в тени, ошеломленный взгляд.

– Где вы это взяли, молодой человек? Я пока не знаю точно, что это за животное – можно лишь приблизительно назвать семейство и род, но могу с уверенностью утверждать, что это – неизвестный науке вымерший вид! Вы совершили мировое открытие! Дайте, я пожму вашу руку, коллега!

– Не стоит, – уклонился от рукопожатия ночной «гость». – Значит, я все-таки смог вас заинтересовать?

– Конечно!.. Но... Но ведь кость не окаменевшая. Я бы даже мог с уверенностью утверждать, что это – живая кость. Животное еще совсем недавно было живо. Как такое может быть? Существа этого рода не дожили до современности сотни тысяч лет, а ближайшие их потомки за прошедшие тысячелетия разительно изменились. Вы что-то не договариваете!

– Я не уполномочен здесь и сейчас говорить всё. Но могу заверить вас, что если вы согласитесь на мое предложение, то загадок, подобных той, что вы держите в руках, вас ждет немало. Итак, вы согласны?

– Какой может быть разговор?!

* * *

Мужчина, сидящий перед Капитолиной Ледогоровой, особенной симпатии у нее не вызывал, но предъявленные им документы обязывали ее, скромную работницу Ростовского детского дома, не только выслушивать его речи, но и выполнять все его распоряжения. Так прямо и значилось в отпечатанном на машинке листке, скрепленном лиловыми печатями и подписями, от которых бросало в дрожь.

А конкретно там говорилось, что председатель Главполитпросвета⁷ при Наркомпросе товарищ Крупская и председатель Деткомиссии при ВЦИК товарищ Дзержинский уполномочивают означенного «товарища Мартинса» производить из детских домов и трудовых коммун по всей территории РСФСР «выемку» детей бывших дворян, представителей духовенства, белых офицеров, чиновников царского, временного и прочих контрреволюционных правительств и прочих «врагов трудового народа» с целью водворения их в специализированные интернаты. При этом всем работникам детских учреждений предписывалось оказывать «подателю сего» всяческое содействие.

«Подумать только... – думала молодая женщина, изучая ничем не примечательное лицо визитера и не зная, на чем вообще на этом будто бы смазанном, как на плохой фотографической карточке, лице можно остановить взгляд. – До чего мы дошли: уже делим на настоящих и „бывших“ не только взрослых, но даже ни в чем не повинных детей...»

Капитолине, да что там Капитолине – просто Капе, шел всего лишь двадцатый год, и ей было странно слышать обращение по имени-отчеству от мужчины, старше ее вдвое. При-

⁷ Главполитпросвет – Главное управление политического просвещения, Наркомпрос – Народный Комиссариат Просвещения, ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) – высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) в 1917–1937 годах.

вычное «товарищ Ледогорова» – еще туда-сюда, но «Капитолина Никитична»... Так и хотелось оглянуться и посмотреть – может быть, загадочная Капитолина Никитична, которую девушка представляла себе дородной дамой с лорнетом, будто сошедшей с иллюстраций в дореволюционной «Ниве», стоит у нее за спиной и важно кивает в такт обволакивающим речам странного уполномоченного.

Как назло, заведующий детским домом товарищ Порывайко, добрейшей души человек, не чаявший души в своих маленьких подопечных, несколько дней назад был вызван в Москву по каким-то неотложным делам, а его заместительница укатила по телеграмме о серьезной болезни ближайшей родственницы куда-то под Харьков. Так что единственным «начальством» в старой барской усадьбе, теперь заполненной двумя сотнями бывших беспризорных, оставались лишь она и наполовину глухой после контузии, полученной еще на германском фронте, сторож Митрич, по совместительству выполнявший при «красном приюте» функции истопника, дворника, конюха и извозчика.

Если бы Капа действительно была «плотью от плоти, кровью от крови трудового народа», как выспренно писал в своих пламенных, но, увы, слабо рифмованных и ужасно безграмотных виршах безнадежно влюбленный в нее Костя Ломовой, заведующий клубом рабочей молодежи, расположенным неподалеку... Нет, она хорошо помнила свое «буржуйское» происхождение, которое с грехом пополам удавалось скрывать вот уже шесть лет. Поэтому и было ей до слез жалко тех семнадцать ребятишек, которых неумолимая бумага вырывала из привычной среды и уносила в неведомый «специализированный интернат», мнящийся девушке чем-то вроде каторжной тюрьмы или английского «рабочего дома», как она ее себе в силу молодости и слабого житейского опыта представляла. В основном по прочитанным когда-то тоненьким, истертым множеством рук до дыр книжкам о похождениях Соньки Золотой Ручки и «Оливеру Твисту» Диккенса.

Каково же там будет им, мальчикам и девочкам, старшему из которых едва исполнилось четырнадцать, а младшей – Лялечке Опанасенко, дочери расстрелянного чекистами гласного Екатеринодарской городской Думы, – всего шестой годик? Им было несладко и здесь, где дети «пролетариев» всячески шпыняли «недорезанных буржуев», повторяя, пусть неосознанно, взрослых, но что будет там?..

– Нет, – решительно отложила она в сторону «мандат» и почувствовала, как сердце проваливается куда-то в желудок. – Я не могу отпустить с вами этих детей. Большинство из них еще слишком мало и...

– А вам и не придется никого никуда отпускать, – улыбнулся «товарищ Мартинс» (бог знает, кто по национальности – прибалтиец, еврей, немец или кто-нибудь еще из многочисленных «интернационалистов», заполонивших за последние годы многострадальную Россию), в очередной раз преображаясь, будто вместо лица у него была гуттаперчевая маска, легко меняющая свои очертания. – Вот бумага, обязывающая вас сопровождать ваших подопечных до места их будущего жительства. И далее.

– Как это «далее»? – обмерла девушка, даже не пытаясь сложить воедино буквы, внезапно пустившиеся в стремительный пляс, расплывающиеся, наезжающие одна на другую, прикидывающиеся своими товарками.

– Да не волнуйтесь вы, – «товарищ Мартинс», будто фокусник, извлек откуда-то чистый, даже накрахмаленный платок и подал Капе, едва сдерживающей слезы. – Просто, думаю, что вам с ними там будет самое место. Вы ведь, Капитолина Никитична, сама из «бывших», а? Дочка купца первой гильдии Никиты Егоровича Ледогорова – я не ошибаюсь?

Слезы так стремительно хлынули из глаз девушки, что ненавистная «гуттаперчевая» физиономия тут же расплылась во что-то невнятное, даже отдаленно не напоминающее обычное человеческое лицо...

* * *

– Графиня, ты, как всегда, была на высоте!

Откинувшись на подушки пролеточного сиденья, Виктор Кобылкин, известный в воровском мире бывшей Северной Пальмиры по кличке Барин, лениво наблюдал, как «шестерки» выносят из только что ограбленной квартиры тюки с добром. Сыгравшая, как обычно, главную роль Вика Манская сидела рядом с ним, отвернувшись и пряча лицо под свисающей со шляпки вуалью. Ее трясла непрекращающаяся дрожь.

– Перестать, Графиня, – покровительственно погладил ее по неестественно прямой спине главарь налетчиков. – Ну, перестарались мальчишки. Что с того? Парой буржуев больше, парой меньше – какая разница?

– Это ведь кровососы, Графиня, – встрял сидящий на облучке Вася Крапленный, правая рука главаря. – Народ обирают. А мы их. Прямо как этот... ну... О! Робин Гад!

– Гуд, – процедила молодая женщина сквозь зубы.

– Чё?

– Робин Гуд. Когда ты наконец запомнишь, мясник?!

– А чё? Я думал, это у него кликуха такая – Гад. Я знавал одного делового с Одессы, так у него вообще погоняло было – Му...

– Заткнись! – лениво пнул подельника ногой в лаковом штиблете Барин. – Иди лучше посмотри, чтобы ребятишки себе чего не притырили. Грузите – и на хазу. Там разберемся, что к чему. Графиня, – обратился он к спутнице. – Давай поедем отдельно от этой братии. Вижу, что тебе их общество неприятно.

– Да, Барин, – кивнула Вика, благодарно взглянув на бандита. – Давай уедем отсюда.

– Чухонец! – махнул рукой отирающемуся рядом бандиту Барин. – Вези нас отсюда... Куда прикажешь, Графиня? В кабак? К Лямчику?

Вике сейчас было все равно. Хотелось только забыться, отвлечься, провалиться в небытие, чтобы не стояли перед глазами содрогающиеся в агонии тела пожилой супружеской четы, плавающие в крови, хлещущей из раскроенных черепов. И водка вряд ли смогла бы смыть эту намертво впечатавшуюся в сетчатку картину. Только марафет⁸...

– К Лямчику.

– О-о! Да ты серьезно сегодня настроена, Графиня! – Барин ткнул кулаком в спину Чухонца, бывшего извозчика, свое дело знавшего тугу. – Давай на Ватный!

Пролетка послушно закачалась на дутых шинах по брусчатке.

Вика не слушала ленивую пустопорожнюю болтовню сидящего рядом мужчины, следя, как проплывают рядом редкие в столь поздний час освещенные окна. Подумать только – еще каких-то два года назад она, юная и наивная, почти любила этого напыщенного хлыща, нахватавшегося манер, при ближайшем рассмотрении подходящих к нему, как овечья шкура – волку. Он, так внезапно появившийся в ее жизни, казался таким сильным, уверенным, надежным. Почти как тот самый принц на белом коне из девичьих снов. Как ей, семнадцатилетней, льстило внимание взрослого, привлекательного внешне мужчины, да еще – принадлежащего к такой романтической профессии.

Но сверкающие доспехи рыцаря очень скоро потеряли свой бутафорский блеск, а белый конь превратился в жалкую клячу неопределенной окраски... Дерзкому налетчику просто нужна была девушка для прикрытия. Невинное на первый взгляд создание, которому охотно откроют двери даже ночью даже самые подозрительные из потенциальных жертв. И всякие Дуньки и Маньки для этой роли не годились. Да и самому Барину было приятнее

⁸ Марафет (воровской жаргон) – морфий, наркотик.

работать с броской, обладающей настоящими манерами девицей, чем с полуграмотными «Фёклами» с рабочих окраин. Близость настоящей княжны («Графиня», как ему казалось, звучало лучше, чем родовой титул), пусть даже бывшей, ему, сыну спившегося еще при «старом режиме» мастерового и прачки, льстила донельзя. Он даже не требовал от нее большего, чем просто быть рядом. Быть может, в нем, позабывшем и презревшем все на свете человеческие законы, еще сидело занозой генетическое преклонение раба перед своим господином.

О, как хотелось Виктории освободиться из липкой паутины, которой Барин опутал ее с ног до головы. Платья, туфли, шляпки и нижнее белье по последней парижской моде, золотые «цацки» с «камушками» на многие тысячи старых, царских рублей, деликатесы и вина из лучших ресторанов... И марафет. А главное – кровь, кровь и кровь, которую проливала не она. Даже капля этой крови не попала на нее, не замарала. Но она все равно чувствовала себя перемазанной с ног до головы тягучей, липкой, мертвой черной кровью, похожей на ту, что текла из стариковских голов, разрубленных топором Васи Крапленого. И избавиться от огромного чувства вины можно было только одним способом... Существовали и другие, но молодое сильное тело, так и не познавшее толком любви, хотело жить и страшилось смерти больше, чем позора и бесчестия.

Она не поняла, что произошло.

Проезжающая по узкой темной улочке мимо темного зева проходного двора пролетка резко качнулась, дико всхрапнул мешком валяющийся с козел Чухонец, дернулась, больно ударив острым локтем в бок девушки, рука сидящего рядом Барина, но тут же обмякла, выпустив сцапанный из-за пазухи последним инстинктивным движением смертельно раненного зверя «наган». Что происходило рядом с ней, Вика не видела: она зажмурила глаза сразу же, как только в поле ее зрения попала торчащая из-под левой лопатки Чухонца нестрашная на вид металлическая спица, по которой весело бежала черная в полутьме жидкость. И думала лишь об одном:

«Все. Это возмездие. Спаси, сохрани и помилуй меня, Господи... Лишь бы быстрее...»

О своем оружии – маленьком дамском «брауниге», лежащем в миниатюрной сумочке, она даже не вспоминала.

Пролетка еще раз качнулась, освободившись от лишнего груза, и незнакомый голос шепнул прощавшейся с жизнью девушке на ухо, овеяв полузабытым запахом «зубного эликсира», канувшего в прошлое вместе с мирной жизнью:

– Не бойтесь, Виктория Львовна. Я не сделаю вам ничего дурного.

– Кто вы? – чуть приоткрыла глаза Вика, изумленная своим именем, услышанным чуть ли не впервые за два года. Она так привыкла к «Графине», что порой дивилась странно звучащему «Вика», «Виктория». А уж по имени-отчеству ее давно не звал никто...

– Неважно. Мне поручено передать вам привет от вашего брата.

– Сережа жив?!..

2

Алеша проснулся от стука в дверь. Стучавший явно не имел никакого представления ни о такте, ни о том, что людям в пятом часу утра положено мирно почивать и видеть седьмой сон. Впрочем, в нынешнее сумасшедшее время слишком мало людей задумывались над такими тонкими материями, а вежливость и такт заменяли бумажка с неразборчивой печатью под названием «мандат» либо ее металлический аналог – пистолет системы «Маузер» или что-нибудь попроще, отечественного производства. Причем второе, металлическое, – значительно чаще...

В свои девятнадцать лет Алексей Еланцев все это знал очень хорошо, поэтому не стал искушать судьбу. Да и где сейчас найдешь хорошего плотника, чтобы смог установить на место сорванную с петель дверь?

– Иду, иду!.. – крикнул он, зажег огарок свечи в оловянной кружке, нашарил босыми ногами растоптанные домашние туфли и, накинув на плечи гимназическую шинель, заменявшую домашний халат, вышел в прихожую.

– Кто там? – спросил он через дверь, поскольку дурная привычка открывать без спроса канула в Лету вместе со старым добрым «довоенным» временем.

– Гэ-Пэ-У! – услышал он в ответ страшную аббревиатуру. – Откройте, гражданин Еланцев, иначе мы сломаем дверь.

Мешкать при таком представлении не полагалось, поэтому Алексей послушно сбросил цепочку и повернул на три оборота ключ в замке. Все-таки двадцать пятый год на дворе, новые власти изрядно приструнили бандитов, да и вряд ли стали бы те называть хозяина по имени...

Едва кованая «собачка» перестала удерживать дверь, та властно распахнулась и в прихожую, оттеснив юношу кожаными плечами, ввалилось не то четверо, не то пятеро воняющих хромом, лошадиным потом и табачным перегаром «товарищей». Пистолетный ствол к виску хозяина никто не приставлял, острыми инструментами вроде финки или опасной бритвы не баловался, поэтому можно было смело считать, что это – представители закона. Правда, закон этот весьма смахивал на каторжные «понятия», но это уже мелочи.

– Еще в квартире есть кто? – отрывисто спросил Алешу один из вошедших.

– Нет, я один. И тетя. Но она болеет, не встает...

С лестничной клетки вошел еще один «товарищ», заметно интеллигентнее на вид, не в кожаной униформе, а в пальто. Правда, не в шляпе, так ненавидимой «пролетариями», а в нейтральной кепке. Общее положительное впечатление от новой фигуры подчеркивали вызывающе цивильные очки в тонкой металлической оправе, сидящие на породистом носу.

– Давайте пройдем в комнату, ТОВАРИЩ, – надавил «интеллигент» на последнее слово, подчеркивая этим, что «гэпэушники» явились в дом Еланцева не как враги. Слово «товарищ» устанавливало между ним, сыном царского офицера, и «слугами народа» почти что знак равенства, не то что казенное «гражданин». Позже Алеше стыдно было признаться себе, но при этом обращении он испытал огромное облегчение.

«Кожаные» было двинулись следом за хозяином и гостем, но последний сделал останавливающий жест ладонью, и беспощадные «церберы Революции» покорно остались в прихожей.

Алексей провел очкастого чекиста (недавняя смена аббревиатур ничего в их сущности не меняла) в свою крохотную комнатку, выгороженную из бывшей лакейской, и усадил в продавленное кресло, сам примостившись на углу по-прежнему расправленной тахты.

– Алеша, – раздался из соседней комнаты (также бывшей части той же лакейской, разгороженной дощатыми щитами натрое) встревоженный тетушкин голос. – К нам кто-то пришел?

– Ничего, тетя, – громко ответил Еланцев, делая знак насторожившемуся чекисту, что все в порядке. – Это ко мне. По службе.

– Тетя, – пояснил он, понизив голос, гостю. – Жена брата моего отца. Старшего. Больна. Не встает.

При общении с «пролетариями» он невольно перенимал их манеру общения рублеными фразами и презирал себя за такое «хамелеонство». Но что делать – надо было приспособиться, чтобы выжить...

– Тиф? – поинтересовался чекист, опасливо косясь на дверь.

– Нет, – махнул рукой юноша. – Тромбофлебит, осложненный полиартритом. Это не заразно, – на всякий случай успокоил он собеседника, вдруг засомневавшись, что тому понятны такие мудреные медицинские термины.

– Хорошо, – успокоился чекист. – А то тиф, понимаешь, штука такая... Значит, вдвоем с тетушкой живете? Тесновато-о...

– Что делать, – развел руками Алексей. – Квартирный вопрос. Слава бо... э-э-э... что хоть одну комнату на три разрешили разгородить. Зато отдельный выход, – похвастался он. – Правда, на черную лестницу.

– Это я заметил, – покивал головой очкарик. – Очень удобно. Особенно если выйти куда ночью приспичит или придет кто... Никого не потревожишь.

– Что вы имеете в виду? – теперь насторожился уже юноша. – Я по ночам никуда не хожу. Да и вы – первые ночные гости.

– Да не волнуйтесь вы! Это я так – от чистого сердца. В самом ведь деле удобно: раз – и на улице. А то через парадное тащиться...

По глазам за блестящими стеклышками было видно, что говоривший эти слова не такой уж простачок, поэтому Алеша решил держать ухо востро.

– А какова, собственно, причина... – начал он, но гость перебил его.

– Да не волнуйтесь вы! Все в порядке. Мы навели справки и выяснили, что вы, Алексей Владимирович, к Советской власти вполне лояльны, в войне ни на одной из сторон участия не принимали по причине малолетства... Вам ведь сейчас?..

– Девятнадцать лет.

– Вот, девятнадцать. Значит, когда мы Врангеля в Крыму прикончили, вам было всего четырнадцать. Нежный, так сказать, возраст. С отцом-белогвардейцем не виделись с девятьсот восемнадцатого...

– Даже больше. Я в одна тысяча девятьсот восемнадцатом уже жил здесь, у тетушки и покойного дяди... То есть как белогвардейца? – дошли до него слова гостя. – Я ничего такого... Отец воевал на германском фронте, но потом...

– Белогвардейца, белогвардейца, не прикидывайтесь, – ласково пожурил его гость, укоризненно качая головой в так и не снятой в помещении кепке. – Вам это отлично известно.

Алеша обмер.

«Все! – стучало у него в висках. – Сейчас загребут под микитки и – на Лубянку. А оттуда – одна дорога...»

– Да не бойтесь вы! Ишь, как побледнели! Ну и что с того, что знаете про отцовские делишки? Гражданская война когда закончилась... А вы себя зарекомендовали человеком Советской власти не вредным, даже полезным. В архиве, вот, служите, общественную работу ведете. В институт, вот, хотели поступать.

– Не берут, – отвернулся Еланцев. – Происхождение не позволяет.

– Ну, это дело, Алексей Владимирович, – улыбнулся тонкими губами чекист, хотя глаза его за стеклышками очков оставались пустыми и холодными, – поправимо. Если мы с вами поладим – органы могут походатайствовать за вас. Составить, так сказать, протекцию, старым языком выражаясь.

Алексей слотнул. Чекист его вербовал, и это было видно невооруженным глазом.

– Что я должен сделать для этого?

– Что? Да ничего особенного. Вот этот человек вам не знаком?

Очкарик, не торопясь, извлек из-за пазухи сложенный вчетверо листок хорошей плотной бумаги и развернул.

С рисованного портрета на Алешу глянуло абсолютно незнакомое лицо человека средних лет. Невзрачное, надо сказать, лицо – правильной формы с аккуратными ушами, бровями и носом, чуть широковатым узкогубым ртом и маленькими острыми глазками, прячущимися под тяжелыми веками. Без особых, как говорится, примет. Таких лиц на улицах столицы можно было встретить тысячи, если не десятки тысяч. Волос незнакомца видно не было – их закрывал невнятно прорисованный головной убор, который можно было принять за что угодно. За кепку, военную фуражку, шляпу-котелок и даже солдатскую папаху, постепенно выходящую из «моды» даже среди «гегемонов». Шея тоже пряталась за высоко поднятым воротником.

– Совершенно! – облегченно ответил юноша, тщательно изучив мастерски прорисованный портрет: он страшился узнать в карандашных штрихах знакомые черты и был рад, что не узнал.

– Вы внимательно смотрели? Внимательно? – внезапно гаркнул чекист так, что за тоненькой фанерной перегородкой снова заворочалась в своей постели тетушка. – В глаза мне смотреть! Внимательно смотрели?

– Конечно... – залепетал Еланцев. – Я не знаю этого человека... И не видел никогда... А что, он...

– Ну и ладно, – так же внезапно снова подобрел чекист. – Не знаете – и ладно. Натe, держите, – сунул он в руку юноше портрет. – И внимательно изучите на досуге.

– Зачем...

– Этот человек может в ближайшее время выйти на вас, Алексей Владимирович.

– Но...

– А вы сообщите нам, как только его увидите. Если визит будет внезапным – назначьте новую встречу. И обязательно предупредите нас. От вас и только от вас будет зависеть, как дела повернутся дальше. Поступите ли в институт, куда стремитесь, или...

Говоривший сделал паузу, ожидая вопроса, но не дождался его и закончил сам.

– Или. Но второй вариант, я думаю, вас не устроит. Так что внимательно изучите портрет. Вряд ли этот человек придет сюда – встреча может состояться где угодно. Но мы должны узнать о ней первыми. Позвоните по этому телефону или придете по этому вот адресу... – на стол легла исписанная бумажка. – Вы меня поняли? Вижу, что поняли. Не прощаюсь...

Странный гость исчез, оставив Алешу с портретом в одной руке и мятым клочком бумаги с написанным от руки адресом – в другой.

Через несколько секунд входная дверь громко хлопнула...

* * *

– И что мы с этим Еланцевым добьемся?

Следователь Черемыш, сидел за столом, уперев мощный подбородок в скрещенные перед собой руки, а оперативный агент Резник расхаживал взад и вперед по просторному

кабинету, стараясь не наступать на светлые квадраты некогда великолепного, но теперь изрядно попорченного подкованными сапогами «шахматного» паркета.

– Чего-нибудь, да добьемся.

– Сомневаюсь.

– Что, прикажешь приставлять агентов ко всем тремстам семидесяти из списка?

– К тремстам семидесяти четверем.

– Вот именно. Никто не выделит столько людей, Миша. Даже десяти процентов не дождемся.

– И ты намерен обойти всех триста семьдесят четырех и каждому сунуть по портрету?

Представляю себе реакцию Оси Шнеерсона, который все это будет рисовать!

– Ну, допустим, Осю я так уж перетруждать не буду... Ты забыл про существование типографий, Миша. Можно распечатать портрет хоть стотысячным тиражом и оклеить им всю Москву.

– Ага! Снабдив надписью «Wanted», как в любимой тобой Америке.

– Да хоть бы и так.

– И Крысолов тут же изменит внешность. Наденет дымчатые очки, отпустит усы и бороду... Мало ли что еще. Мы имеем дело с профессионалом высочайшего класса, Илья.

– И что ты предлагаешь?

– Ничего. Нужно думать, думать и думать.

– А пока ты будешь думать, Крысолов будет нагло шастать у нас под самым носом. Нет, я буду действовать своим методом. К тому же никаких трехсот семидесяти портретов не понадобится.

Резник торжественно положил перед следователем листок бумаги со столбиком фамилий.

– Что это?

– Я проверил весь список, и выяснилось, что вот эти люди – родственники офицеров, служивших в Белой Армии. Их было несколько больше, но часть из них уже успела скончаться – тиф, бандитские налеты и все такое... А остальные уже далеко отсюда – за кордоном и, к сожалению, недостижимы.

– И сколько их?

– Ерунда. Всего лишь двадцать восемь.

– Это радует. А остальные?

– Увы, тут систематизировать не удалось. В основном ученые разных направлений.

– Связаны с военным делом?

– Очень немногие.

– А остальные?

– Тут голимая чехарда. И бывшие чиновники, и инженеры, и медики. Вплоть до типографских наборщиков, автослесарей и ветеринаров. Поверишь – нет: даже учителя гимназий!

– Да-а-а... Набор более чем странный. И почему ты думаешь, будто именно на этих вот белогвардейских родичах мы его прихватим?

– А потому что ими он интересуется прежде всего. Ты помнишь, как нам с тобой попал в руки этот список?..

* * *

– Взвод Егорова – направо! Куда прешь, деревня? Направо, я сказал!.. Туда, туда... Егоров, когда научишь своих бойцов различать лево и право? Что значит «малограмотные»? Все малограмотные. Я, вот, тоже университетов не заканчивал, а право и лево различаю!..

– Товарищ Шляпников, прекратите заниматься разъяснительной работой. Вы забыли, что мы тут не строевой смотр приехали устраивать?

– Виноват, товарищ комиссар. Не хватает времени с бойцами заниматься, понимаете...

– Продолжайте, только без лирики. Если Крысолов уйдет из оцепления, нас с вами по головке не погладят.

– Так точно!

– И попрошу без шума.

– Так точно, – вполголоса повторил командир и снова принялся командовать своим воинством, постепенно повышая голос.

– Взвод Орловича перекрывает улицу... Семенихин! Твои орлы попарно по парадным. Никого не выпускать! Товарищ комиссар!

– Что вам?

– А если по крышам попробует уйти?

– Шляпников... Мы оцепляем ВЕСЬ квартал. Вы думаете, что он сможет перепрыгнуть через улицу? Тут не менее двадцати аршин!

– Не знаю... Может, и все двадцать пять... Да только ребята разное про него говорят...

– Товарищ Шляпников! Я думал, что вы передовой боец, комсомолец, а вы верите в поповские бредни! Человек не в состоянии перепрыгнуть пропасть в двадцать аршин шириной! Двадцать пять – тем более!

– Не знаю... Я как лучше хотел...

– Свои домыслы оставьте при себе. Крысолов – такой же человек, как и мы. Не бесплотный дух. Он бандит, и мы должны его сегодня взять. Живым или мертвым. Лучше, конечно, живым.

Бойцы рассредоточились по темным подворотням, и операция началась. Резник имел точные сведения, что человек, которого в его кругу именовали Гаммельнским Крысоловом или просто Крысоловом, сегодня ночует в квартире некоего Федора Константиновича Зварича, бывшего царского вице-адмирала, давно уже разменявшего восьмой десяток и лишь поэтому избежавшего в свое время карающего меча пролетарского правосудия.

Гаммельнским Крысоловом неуловимого преступника окрестили не зря. При его непосредственном участии из Петрограда и Москвы неведомо куда исчезла масса народа, в большинстве своем «из бывших». И все бы ничего, да кое-кто из этих самых «бывших» оказался позарез необходим молодому Советскому государству, борющемуся с разрухой. Попал он в поле зрения ГПУ еще в прошлом двадцать четвертом году, но мало кто сомневался, что таинственный Крысолов начал действовать гораздо раньше, когда загруженному по горло текущей работой ЧК было не до каких-то там пропавших физиков, металлургов и эпидемиологов.

Первой мыслью опытных работников «щита и меча» РСФСР было очевидное: кто-то по заказу белоэмигрантских организаций организует переброску специалистов через до сих пор не слишком надежные, особенно на Северо-Западе, границы. Не хватало пока в погранвойсках ГПУ надежных бойцов, чтобы перекрыть все тропки контрабандистов на относительно спокойных рубежах новорожденных Прибалтийских республик и бывшего Великого княжества Финляндского! Были иные, гораздо более «горячие» направления: Туркестан, где спали и видели, чтобы задушить народную власть орды бывших баев, эмиров и прочих басмачей, Дальний Восток и Забайкалье, где окопались банды атамана Семенова и барона Унгерна, и панская Польша, точившая зубы на Советские Беларусь и Украину. Но заграничная агентура, действующая через работников Третьего Интернационала, не нашла «пропажи» ни в Европе, ни в Америке. Даже в Китае, в Харбине и Шанхае, не всплывали сгинувшие без следа «фигуранты», не говоря уже о тех краях, где эмиссары ГПУ чувствовали себя как дома.

Тогда появилась гипотеза, что вредоносные западные разведки просто уничтожают физически потенциально полезные для Страны Советов кадры, чтобы осложнить ей восстановление после разрухи Гражданской войны и последующую индустриализацию. Не очень вписывались в общую картину, например, профессор филологии бывшего Санкт-Петербургского Ея Императорского Величества Университета, бывший товарищ железнодорожного министра Временного Правительства или специалист по вымершим животным, но на такие мелочи было решено не обращать внимания.

Вот тогда-то и появилось впервые это прозвище, Гаммельнский Крысолов. Будто некий злобный карлик из старой германской легенды, свистя на дудочке, уводил из города людей, которых потом никто нигде и никогда не встречал...

По лестнице нужного подъезда поднимались крадучись, обернув сапоги ветошью, чтобы не стучали подковки, вынув наганы и маузеры. На случай, если неувлимый Крысолов решит воспользоваться черным ходом, на темной лестнице, выходящей во двор-колодец, затаились сразу трое опытных агентов с приказом стрелять на поражение во все, что появится сверху. Будь то даже бродячий кот.

Дверь с заранее хорошо смазанными петлями открыла прислуга, которая, кстати, и проинформировала «кого следует» о подозрительном незнакомце, обосновавшемся у адмирала. Поражаясь про себя, как такая огромная квартира умудрилась до сих пор оставаться в собственности одного человека при общем московском жилищном кризисе, агенты миновали анфиладу комнат и сконцентрировались у нужной двери, напряженно вслушиваясь в тишину.

Минут пять ничего не происходило. Вдруг с улицы донесся истошный кошачий визг и пьяный мат. Это и был ожидаемый сигнал. Дверь слетела с петель от слитного удара нескольких тел.

Но их уже ждали.

Из темноты часто захлопали выстрелы, взвыл ужаленный пулей агент, зыкнул от чего-то металлического рикошет.

– Огонь! – скомандовал Резник, и одинокому стрелку ответил шквал пуль...

Когда зажгли свет, оказалось, что комната с распахнутым, побитым пулями окном пуста. Лишь в глубоком кресле сидел, откинув голову на высокую спинку, благообразный старец в распахнутом на окровавленной груди парадном морском мундире с черными орлами на золотых погонах. Возле правой руки адмирала на ковре дымился браунинг с опустошенной до последнего патрона обоймой. А в левой старик крепко сжимал побелевшими пальцами еще один, тускло поблескивающий мельхиоровой тупой головкой, патрон. Последний, так и не потребовавшийся, сберегаемый для себя...

Бойцы было потянули с голов фуражки и кепки, но Резнику было не до сантиментов.

– На крышу ушел, гад! Горбатко, Филин – за ним. Не уйдет!

Через несколько секунд после того, как сапоги последнего из агентов скрылись в окне, с крыши донеслись выстрелы, загрохотала под каблуками жесь.

– Назимутдинов! Помогите товарищам! – распорядился старший операгент, сам с остальными принявшись за обыск. За судьбу Крысолова он был спокоен: если его даже не удастся взять живым – пуля догонит. Кто-то, а прошедшие Гражданскую Горбатко, Филин и Рафат Назимутдинов были лучшими стрелками в управлении.

Оказалось, что опоздали агенты всего чуть-чуть. Если бы не проклятая задумка с сигналом, Крысолов уже давно был бы взят и колотся, как сухое полено, выдавая подробности своих походов. Ему и сейчас пришлось бежать чуть ли не нагишом, в одном исподнем, бросив верхнюю одежду, оружие (американский «кольт» сорок пятого калибра и что-то длинноствольное, неизвестной Резнику иностранной марки) и, главное, саквояж с вещами.

В приподнятом настроении старший операгент спустился вниз к автомобилям, и тут его ждало жестокое разочарование...

– Как ушел? Этого просто не может быть! Двадцать аршин перепрыгнуть человеку не по силам!

– А он и не сам прыгал, – оправдывались наперебой бойцы. – Он к краю крыши подбежал... Мы думали, вниз броситься хочет, с жизнью покончить, раз больше ничего не остается, даже винтовки опустили, а он что-то к ограждению прицепил и как сиганет вниз! Думали все – амба! Виданное ли дело – шестой этаж! А он на веревке, оказывается, прыгал...

Выяснилось, что, очутившись на крыше, Крысолов (а это, конечно же, был он) в два приема скинул последнюю одежду и остался совсем голым. И это было вовсе не сумасшедшим шагом спятившего от отчаяния человека. Голое тело, как оказалось, совсем не так хорошо различимо в темноте, как белое исподнее. И лучшие стрелки управления это вскоре смогли осознать в полном объеме.

Но, раздевшись, неуловимый бандит совсем не остался безоружным. Неизвестно на чем у него на теле крепились метательные лезвия, но бежавший впереди всех Филин получил одну такую железку, чуть побольше американского безопасного лезвия «Жиллет», в горло, и сейчас над ним бился, пытаясь удержать буквально вытекающую из могучего тела жизнь, управленческий медик, привыкший иметь дело в основном с покойниками. Естественно, что два уцелевших агента залегли, дав беглецу фору, которой он не преминул воспользоваться.

Сорвав с пояса какой-то моток, голый Крысолов кинулся вниз, но не разбился о брусчатку тротуара, как ожидали разинувшие рты бойцы оцепления, а пролетел по пологой кривой в каком-то аршине над их головами и, высадив ногами окно в противоположном доме, исчез внутри. Все это заняло считанные секунды, и теперь вновь ускользнувшего от всемогущего ГПУ преступника преследовать в лабиринте московских двориков было бесполезно...

– Черт те что! – в сердцах ругнулся старший операгент, еще не зная, что в захваченном саквояже найдет среди разных весьма занимательных вещиц и небольшую, исписанную от корки до корки фамилиями и инициалами тетрадку...

3

Алеша, как всегда в будние дни, полотно позавтракал (пролетарский общепит ему претил своей непритязательностью, а молодой здоровый желудок вполне позволял дотянуть до вечера), спустился по «своей» лестнице во двор, вежливо поздоровался со знакомым еще со «старых» времен дворником Хасаном и направился по давно досконально изученному маршруту на службу.

Алексей Еланцев уже второй год как закончил учебу и поступил на службу в губернский земельный архив, куда его устроил по знакомству дядюшка, Николай Леонидович Еланцев, тогда уже смертельно больной и сокрушавшийся, что ничем больше не сможет помочь единственному любимому племяннику.

– Власть приходит и уходит, дорогой мой Алешенька, – повторял седой как лунь старый архивариус, годившийся юноше не в дяди, а в дедушки (он был старше своего брата на целых двадцать лет). – А Россия остается. Эта пена, – он обводил все вокруг себя рукой, – рано или поздно уляжется. И что же мы будем иметь? Все придется начинать сначала? Нет, Алешенька, наша с тобой задача – все сохранить для будущего, а остальное пусть решают другие. Хотя бы твой батюшка, обретающийся сейчас со своей идеей бог знает где. Нет, он тоже служил России всем сердцем, и не его вина, что Отчизна не приняла его служения...

Бедный, бедный Николай Леонидович... При обычной, размеренной и спокойной жизни он несомненно прожил бы еще лет двадцать как минимум и дождался бы вождя деленных внуков, если не своих – чета Еланцевых так и осталась бездетной после смерти их единственной дочери, – то Алексеевых, но... Старуха Смерть всегда вносит свои коррективы в любые планы.

После смерти горячо любимого супруга Надежда Станиславовна слегла и больше не вставала. Открылись приобретенные в голодные и холодные послереволюционные годы болячки... Словом, Алеше теперь нужно было заботиться не только о себе, но и о ней. А тут еще это проклятое ГПУ... Страшная организация. Попробуй только не уважь ее «просьбу»...

Погруженный в невеселые мысли, молодой человек прошел пару кварталов и собиравшись было вскочить на подножку подъезжающего трамвая, как истошный женский вопль за спиной заставил его вздрогнуть и обернуться.

– Помогите! Помогите, люди добрые! – верещала какая-то броско одетая дама средних лет, судя по всему, «нэпманша» – одна из появившихся вдруг откуда ни возьмись легионов буржуа, благополучно переживших лихолетье, как тараканы за печью, и повывползших из всех щелей, стоило кровожадному Гегемону научиться прятать свой оскал за неумелой и неубедительной пока улыбкой. – Помогите! Убили!

«Кого еще убили?» – только подумал Алексей, а ноги уже сами собой понесли его к стремительно росшей вокруг крикуньи толпе. Что поделаешь: молодость любопытна и легкомысленна.

Как это сплошь и рядом бывает, переполох не стоил и выеденного яйца. «Убитым» оказался упитанный бутуз лет семи от роду в матроске и коротких штанишках по презираемой «пролетариями» и их отпрысками «буржуйской» моде. Никто, как выяснилось, этого насупленного и с трудом сдерживающего слезы крепыша пальцем не трогал – просто какой-то беспризорник, подкравшись незаметно, дернул с прилизанной головки «нэпманёныша» матросскую шапочку и теперь показывал язык в безопасном отдалении, напялив добычу на нечесаные вихры.

Толпа тут же разделалась на немногочисленных защитников «обиженного ребенка» и большинство, считавшее, что «так буржуйскому отродью и надо», а немногочисленные колеблющиеся вроде Алеша никак не могли выбрать, к какой стороне примкнут. Пожалеть

действительно готового зареветь от обиды малыша мешало недовольство торгашами, безбожно обдирающими всех подряд, а поддержать злорадствующих – незримая граница между ним, потомственным дворянином, хоть и бывшим, и обретшим силу вчерашним быдлом.

А страсти меж тем накалялись.

Болью сердечной сквозили риторические вопросы «За что мы, братцы, кровь проливали?..», среди которых терялось исконно русское, душевное «Мальчонку-то пожалейте!..» без конкретной адресации – кого из мальчишек нужно пожалеть в первую очередь. Неосознанно цитировался классик, в это время нежившийся под итальянским солнышком и любящий Россию издали: «А была ли шапочка-то? А, может, шапочки-то и не было вовсе?..» И уже провозглашались привычные лозунги вроде сакраментальных «Бей кровососов!» и «Долой нэпманов!»...

Слава Всевышнему, стихийный митинг попал в поле зрения Недремнощего Государственного Ока и до рукоприкладства не дошло. Откуда-то из перпендикулярной трамвайным путям улочки донеслась заливи́стая трель казенного свистка, и скопление народа начало еще более стремительно, чем собралось, рассасываться. Пообщаться со спешащим к «месту происшествия» милиционером в шлеме со звездой не хотелось никому, и в этом все без исключения участники давешней перепалки были солидарны. Возможно, в единственной из всех возможных житейских коллизий. Даже беспризорник и тот швырнул на брусчатку совершенно не нужный ему головной убор, из-за которого все заварилось, и задал стрекача – только грязные пятки засверкали.

Минута, и зарывавший наконец малыш, перепуганная мамаша и откозырявший им служитель закона остались в одиночестве, а Алексей наблюдал эту немую сцену через заднее стекло подкатившего, как никогда вовремя, трамвая.

И только сунув руку в карман пиджака за мелочью на билет, он понял, что карман этот чуть ли не вывернут наизнанку и абсолютно пуст...

* * *

«Ну разве можно быть таким ротозеем, Алешенька! – звучал в ушах Еланцева голос тетушки, пока он шагал к месту службы. – Неужели ты не знаешь, сколько сейчас развелось карманных воров?..»

К сожалению, Алексею это было очень хорошо известно. Бывали, так сказать, прецеденты, а все из-за того, что он, помня беспечное прошлое житье, никак не мог привыкнуть к необходимым мерам предосторожности. Теперь вот пришлось топтать через полгорода на своих двоих, потому что проехаться «зайцем» по примеру большинства сограждан, не считавших подобный метод перемещения по городу большим преступлением, ему не позволяла совесть. А следовательно – на службу он теперь бесповоротно опоздал. Слава богу, начальник – старый друг покойного дядюшки просто пошумит для вида и не придаст опозданию самого прилежного из своих сотрудников особенного значения. Да и какая вообще спешка, прости господи, в архивных делах? Кому они вообще сейчас нужны – эти межевые книги двадцатилетней давности, десятины, наделы, статистические ведомости и напоминающие головоломку из детской книжки запутанные планы?

Вот украденных денег жаль. Пусть там было всего каких-то рубль восемьдесят копеек, но они составляли солидную долю небогатого жалованья архивариуса. Полтинник предназначался на покупку съестного на обратном пути, и эту потерю можно было пережить – кое-какие запасы дома имелись, а вот на рубль у Алеши были иные планы. С ним он предполагал забежать в книжную лавку на Арбате. Что поделать – книги были главной слабостью молодого человека, и ради них он готов был отказывать себе в самом необходимом. Этот рубль сложился из тщательно откладываемых копеечек с новым советским гербом, похожим

на распластанного краба, и нового теперь ждать не менее трех недель. А может, и больше, если учесть еще восемьдесят копеек, сгинувших без следа в руках неведомого вора.

Погруженный в свои мысли Алеша брел по улице, ничего не видя и не слыша, и вывел его из прострации только какой-то прохожий, который, обгоняя, сильно толкнул зазевавшегося юношу плечом и даже не обернулся. Обычный пролетарий в сером кургузом пиджачке с поднятым воротником, руки в карманах, кепка на голове...

– Извините... – чисто автоматически буркнул юноша ему вслед, естественно не дождавшись ответа.

Как назло, по дороге попалась книжная лавка, и в витрине...

Еланцев длинно вздохнул: эту книгу он искал давно, и тот самый пропавший рубль сейчас был бы как раз кстати. Он машинально сунул руку в пустой карман и не поверил себе – под пальцами шуршала какая-то бумажка. Не может такого быть! В только что пустом кармане?

Ошеломленный юноша вынул бумажку на свет Божий и был разочарован. Чудес на свете не бывает – это, конечно же, была не денежная купюра, а половинка вырванной из ученической тетради странички, сложенная вчетверо. Но откуда она там взялась? Будто сомнамбула, Еланцев медленно развернул листок и прочел две строчки, написанные летящим почерком: «Следуйте по улице и сверните под арку дома номер 15».

Кто мог написать эту записку? Алеша готов был поклясться, что еще пять минут назад в кармане ничего не было.

Он автоматически глянул вслед удаляющемуся невеже как раз, чтобы увидеть, как тот сворачивает в проходной двор. Неужели записку подложил этот прохожий?

Молодому человеку внезапно вспомнился ночной визит, и ему стало не по себе.

«Что делать? Бежать в ГПУ? Но кто мог меня видеть сейчас?..»

Он украдкой оглянулся и увидел, что улица позади пуста. Никто за ним не следил.

«Вздор! Выбросить бумажку, забыть и никогда больше о ней не вспоминать!..»

Он вынул из кармана записку, скомкал в кулаке, оглянулся, ища куда бросить, и не смог перебороть себя – кругом было полно окурков, битого стекла, обрывков газет, но мусорить на улице Алеша был не приучен.

«Кину в арке!»

Поравнявшись с зевом проходного двора, он машинально бросил взгляд вверх и увидел жестяную табличку с номером «15» и потускневшей под слоем многолетней грязи, некогда золотой надписью вокруг «Застраховано в обществе Братьев Лемонье и Ко». В полумраке арки смутно различалась чья-то фигура. Незнакомец ждал.

Алексей сглотнул некстати наполнившую рот слюну и медленно, будто кролик в пасть удава, тронулся к поджидавшему его человеку...

* * *

– А вы очень похожи на своего отца, Алексей Владимирович, – не представляясь, сообщил мужчина Алексею, когда тот остановился перед ним.

Несомненно, это был тот самый тип с портрета, который чекист «подарил» Еланцеву. Уж кто-кто, а юный архивариус никогда не жаловался на свою зрительную память, тем более что это лицо он имел возможность изучить вдоль и поперек.

Незнакомец был худощав, невысок – Алеша великаном себя не считал, но тот с трудом доставал макушкой до его подбородка – хотя впечатление слабосильного не производил. Вообще он показался молодому человеку похожим на сжатую пружину, готовую стремительно распрямиться. Распрямиться – и горе тому, кто окажется у нее на пути. Алексею почему-то на пути у него становиться не хотелось.

– Вы знали моего отца? – спросил он, внутренне коря себя за глупый вопрос, но иного придумать просто не мог – в голове царила странная пустота.

– Отчасти, – улыбнулся мужчина. – И сейчас знаю. Он передавал вам привет.

Еланцев-младший смешался. Несомненно, визитер прибыл ОТТУДА. Из той далекой «заграницы», где Алеше побывать так и не удалось и где, если верить советским газетам, «окопалось контрреволюционное отребье». Его долг, как советского гражданина, велел срочно бежать в ГПУ, чтобы помочь схватить и предать революционному суду этого врага «трудового народа». Но вот причислить себя к «трудовому народу» молодой человек не мог. Не мог никак. Образ отца уже начал размываться в его памяти, но встать на сторону его противников юноша не смог бы никогда. Занимать нейтралитет, сколько это было возможно, – да, но стать врагом – никогда.

– И где он сейчас? – задал Алеша наконец вопрос. – Во Франции?

– Почему вы так решили?

– Он же был белым офицером. Ротмистром, если не ошибаюсь.

– Полковником. Но почему был? Он и сейчас полковник.

– Даже так? Но особенного значения это не имеет. И он только просил передать привет?

– Нет, не только. Я готов переправить вас к нему. Вы ведь хотите его увидеть?

– Хочу, но... Я гражданин Советской России, господин... извините, не знаю, как вас по имени-отчеству...

– Это неважно.

– Я... Я не могу. Дело, которому служил мой отец, обречено, и я не хочу... Одним словом, я не хочу ничего менять в своей жизни.

– Вы готовы всю оставшуюся жизнь служить в архиве? Большевикам?

– Почему? Я намерен закончить университет...

– Бесплодные мечты, мой друг. Клеймо «бывшего» будет довлеть над вами до самой старости. Если большевики не решат окончательно очистить от подобных вам и мне Россию задолго до того, как вы достигнете преклонного возраста.

– Это вражеская пропаганда. Большевики готовы возратить многое из старого. Тот же НЭП, попытки наладить отношения с Европой...

– Это лишь временное отступление. Все очень скоро изменится. И изменится к худшему.

– Я вам не верю.

– Хорошо, – легко согласился незнакомец. – Я готов дать вам время обдумать мое предложение. Допустим – неделю. Вам это подходит?

– Вряд ли я передумаю.

– Как знать. Меня не ищите – я сам вас найду. И не говорите никому о том, что мы виделись. Пользы от этого не будет. Ни вам, ни мне...

Алексей повернулся и пошел к выходу, но мужчина снова его окликнул:

– Постойте. Может быть, с этим вам будет легче думать?

Он протягивал юноше чуть помятый, хитро свернутый листок бумаги.

– Почитайте на досуге.

Подчиняясь гипнозу его голоса, Алеша развернул листок и прочел:

«Алеша! Дорогой мой сынок...»

– Что же вы сразу... – поднял от письма взгляд молодой человек, но в арке уже никого, кроме него, не было.

4

Поезд трясся на стыках рельсов уже седьмой день.

Давно уже скрылись позади, в душливом паровозном дыму Волга, башкирские степи, Уральские горы, шумная привокзальная площадь Челябинска, провинциально-сонный Курган, промелькнул еще один кусочек степи под Петропавловском, уплыл в ночь так и не увиденный толком Омск... Алеша, конечно, знал, что Россия велика – география в гимназии была у него одним из любимейших предметов. Но одно дело рассматривать бескрайние российские просторы на карте, следуя указкой за тоненькой красной линией, соединяющей Петроград с далеким Владивостоком, а другое дело – самому проехать без малого три тысячи верст и знать, что до финала еще ох как далеко.

Конечно, разруха понемногу уходила в прошлое. До прежнего же порядка на железной дороге, который Алексей помнил по ежегодным поездкам с маменькой и няней на юг, к Черному морю (отцу, занятому на службе, всегда было недосуг, но для мамы с ее слабыми легкими Крым оставался единственным спасением до самого рокового шестнадцатого года), еще было далеко. Чего только стоили переполненные «купе», в каждом из которых вместо четырех, положенных по задумке неведомого конструктора, пассажиров, ютилось самое меньшее шесть-семь человек. Добавьте сюда безбилетников, с риском для жизни устроившихся на крышах, так что пассажиры купе половину дороги имели счастье любоваться в окно свисающими оттуда ногами в драных сапогах, лаптях, а то и голыми пятками в коросте несмываемой грязи. А постоянный гвалт, мат, вопли грудных младенцев, визг гармошек, порой игравших с разных концов вагона диаметрально противоположные мелодии? А грязь, вонь, едкий махорочный дым, висящий настолько плотными пластами, что казалось, будто на них можно подвесить пресловутый топор? А необходимость выскакивать на станциях, если требовалось набрать кипятку, купить какой-нибудь снеди или элементарно справиться нужду? А потом до хрипоты спорить с кем-то, преспокойно занявшим твое место на железном основании «вас тут не сидело».

Ничто не сплачивает людей так, как долгая совместная дорога. Еланцев-младший всегда плохо сходился с новым для себя человеком из-за врожденной скромности, деликатности и всего прочего, что папенька с солдатской простотой называл «интеллигентским слюнтяйством». Но тут, в новой для себя обстановке, почувствовал, как эти качества куда-то улечиваются сами собой. Уже на второй день пути он знал по именам всех своих соседей, вкратце ознакомился с их полными горестей биографиями и успел поведать свою, понятное дело, умолчав о некоторых подробностях, в это беспокойное время могущих оказаться роковыми. Да и стоило ли надеяться, что кто-нибудь из его товарищей поневоле отважится поведать первому встречному полную версию своей «Книги Жизни»? Поэтому дорожные рассказы воспринимались как чистая беллетристика, степень занимательности которой зависит исключительно от литературных талантов автора.

Место у окна, напротив Алеши, занимал вальяжный седовласый мужчина тех лет, что еще нельзя назвать преклонными, но уже не поворачивается язык окрестить «зрелыми». Свою биографию он поведал охотно, и по всему было видно, что подверг ее цензуре совсем чуть-чуть. Да и чего особенного было скрывать университетскому профессору, всю жизнь посвятившему изучению давным-давно сгинувших с лица земли зверей и гадов? Последние волновали его гораздо больше тем, интересных остальным пассажирам, и за неделю пути все до тошноты наслушались душераздирающих историй о всяких индрикотериях, креодонтах и диатримах. В конце концов вымершие сотни тысяч лет назад древние непарнокопытные стали казаться Еланцеву кем-то вроде родственников, никогда не виденных, но вполне реальных, обладающих собственными характерами, привычками и недостатками. Дело дошло до

того, что некоторые яркие образчики кайнозойской фауны даже начали являться к молодому человеку во сне, заводя длинные беседы на отвлеченные темы вроде очереди за кипятком на железнодорожной станции Аша или спертого кем-то у раззявы-лоточницы фунта ситного.

Другой сосед, напротив, норовил завести разговор на злободневные темы, которые старый палеонтолог игнорировал напрочь. И говорить этот сухощавый, напоминающий колодезный журавль мужчина с холеными «британскими» усами щеточкой под длинным породистым носом мог часами и о чем угодно: от недавней смерти Патриарха Тихона до переименования столицы Норвегии Христиании в какое-то неприличное «Осло». На каждой станции эрудит, назвавшийся Семеном Дмитриевичем Загоруйко, накопал кипу газет и ненадолго замолкал, погрузившись в чтение, прерывающееся иногда яростными возгласами вроде «Ну, это вы, батенька, врете!» или одобрительным мычанием. Но зато после прочтения...

Четвертым мужчиной в купе оказался человек на редкость молчаливый. Однако, несмотря на вполне нейтральный внешний вид, манеры с головой выдавали в нем особу духовного звания. За всю неделю назвавшийся Григорием Ивановичем попутчик вступал в спор всего два раза: первый, когда Семен Дмитриевич нелестно помянул покойного Патриарха, и во второй после громогласного утверждения профессора Синельникова, что теория эволюции англичанина Дарвина начисто отвергает Божий промысел. К ереси он относился беспощадно. В остальном же это был незлой человек, на которого всегда можно было положиться. Например, попросить приглядеть за вещами, отлучаясь на станцию, или, наоборот, прихватить кипяточку на свою долю.

Кроме мужчин в купе ехали и две женщины: Василиса, «мешочница» под сорок, объявлявшая во всеуслышание по поводу и без повода, что едет «аж до самого Байкалу», и стройная, удивительно красивая, элегантно одетая, но, к глубокому сожалению Алеши, еще более молчаливая, чем священник, девушка. Первая «дама» сразу же взяла Еланцева под свою опеку, подкармливая «чем бог послал» из своих необъятных мешков и кулей, заполнявших все свободное место в их купе и паре соседних, расспрашивая о житье-бытье и защищая от нападков Загоруйко и Синельникова, беспрестанно упрекавших «молодое поколение» в отсутствии интереса к волнующим их проблемам. Девушка, назвавшаяся Викторией, постоянно была погружена в свои мысли и своим бледным лицом и ледяными манерами напоминала Алексею Снежную Королеву из андерсеновской сказки.

Лишь ночью, когда вагон, утомившись после дневного бедлама, засыпал, юноша, лежа без сна на самой верхней «багажной» полке, слышал, как она внизу мечется в ночных кошмарах, выкрикивает какие-то слова, больше похожие на собачьи клички, рыдает или смеется взахлеб.

А утром все было по-прежнему, и он лишь иногда ловил на себе взгляд северных прозрачных глаз, зрачки которых были неестественно расширены. И от этого прекрасные глаза казались по-цыгански черными...

* * *

Катастрофа разразилась на девятый день пути, когда до Кедровогорска оставалось всего ничего – где-то верст двести, а до той маленькой станции, на которой Алексей должен был, согласно инструкциям, полученным от «человека-невидимки», сойти, – не более двадцати пяти.

В один прекрасный момент состав дернулся и встал прямо посреди леса, хотя никакой станции не было и в помине. Никто из пассажиров не придавал этому значения – такие остановки и раньше случались частенько, причем никакой закономерности в них самих и их продолжительности не усматривалось. Поезд мог остановиться на пять минут, а мог проторчать

где-нибудь в чистом поле несколько часов. Пассажиры шутили, что машинисты останавливают состав по личной надобности, когда «прижмет».

– О! – раздалось из другого конца вагона. – Опять кочегар в кусты побежал!

– Так ведь полчаса назад вставали уже, – откликнулся раздраженный голос.

– А он молочка выпил да огурцом закусил! – жеребцом заржал кто-то. – Вот и пронесло!

Под взрывы хохота население вагона обменивалось предположениями одно скабрее другое, и Алексей, против желания, вслушивался в эти образчики устного народного творчества, поражаясь, что сермяжный юмор, далекий от печатного, его уже почти не коробит.

– А-а-а! Господин Еланцев! – раздалось над ухом, и молодой человек вскинулся, будто от удара плетью: над ним нависал, раздвинув губы в улыбке, тот самый чин из ГПУ, навещавший его памятной ночью.

– Что ж это вы так перепугались? – притворно-участливым тоном поинтересовался чекист. – У меня вроде бы рогов нет, да и хвоста тоже. Куда же это вы направляетесь, Алексей Владимирович?

– Да... я... – замямлил было Алеша, но чекист остановил его жестом руки.

– Ничего. Еще успеете рассказать.

Только сейчас юноша разглядел за спиной нежданного гостя двух красноармейцев с винтовками в руках. Примкнутые штыки и нахмуренные брови молодых парней – едва ли старше Алексея – не предвещали ничего хорошего.

– И вас попрошу пройти, граждане, – мазнул безразличным взглядом по притихшему купе «гэпэушник». – С вещичками.

– По какому праву? – вскинулся было «эрудит» Загоруйко, но тут же сник под рыбьим взглядом представителя власти.

Громче всех возмущалась торговка, которая задержала сотрудников ГПУ на добрых полчаса, пока под ее истошные вопли изо всех укромных щелей не были вытащены все кули, пакеты, мешки и баулы, составлявшие «багаж» предприимчивой бабы. Руководящий ссаживанием задержанных агент кривился, морщился, судя по виду, разрывался между желанием отпустить скандалистку на все четыре стороны и долгом, но долг в конце концов одержал верх. Заткнуть же ей рот удалось, только убедительно пообещав «шлепнуть на месте за спекуляцию».

Больше всего неприятностям пассажиров были рады «зайцы», оккупировавшие крыши вагонов. Последних невезучих «обилеченных» еще выводили наружу, а население крыш уже заметно поредело, причем в освободившихся купе, как было видно через окна, разгорелись нешуточные баталии «за место под солнцем».

Когда поезд, прощально прогудев, скрылся за деревьями, на насыпи осталось около семидесяти человек, окруженных редкой цепочкой красноармейцев с винтовками наперевес. Среди них Алеша с изумлением разглядел очкастого мужчину, принятого поначалу за многодетного папашу: вокруг него жалось не менее полутора десятков детишек обоего пола, от едва научившихся ходить карапузов до нескладных подростков.

– Что вы намерены с нами делать? – выступил вперед пожилой мужчина, явно привыкший командовать. – Потрудитесь объяснить, милостивый государь!

– Милостивые государи давно в Парижах, – лениво парировал очкастый «гэпэушник», делая какие-то пометки в растрепанном блокноте. – А что делать... Отвезем вас в Кедровогорск, запрем по камерам... Невиновных отпустим, конечно.

– А остальных? – пискнул толстенький мужичонка, прижимающий к груди, как младенца, объемистый «сидор».

– А остальных – в расход, – равнодушно бросил, не отрываясь от писанины, начальник. – Как злостную контру и врагов трудового народа.

Толпа зашумела, и конвоиры заклацали затворами, наступая на нее и тесня штыками прочь от насыпи. Какой-то мужчина вдруг оттолкнул ближайшего к нему красноармейца и, неловко выбрасывая ноги и мотаясь всем телом, как марионетка в руках неумелого кукловода, бросился бежать по рыхлой, осыпающейся под ногами щебенке куда-то в сторону Москвы. Грохнул винтовочный выстрел, и беглец, схватившись обеими руками за затылок, рухнул ничком, медленно перекатился несколько раз вниз по склону и замер, уткнувшись в подступающие к насыпи кусты, еще больше став похожим на тряпичную куклу. Вика, оказавшаяся по воле случая рядом с Алешей, вскрикнула и порывисто прижалась к нему всем телом, пряча лицо на груди юноши, а он тут же дал себе слово отдать за нее жизнь, если потребуется.

– Молодец, Рассулов, – похвалил «гэпэушник», неторопливо пряча блокнот в карман. – Метко стреляешь! Еще бы приказа ждал, так цены бы тебе не было.

– Виноват, – сверкнул зубами раскосый смуглый красноармеец, передергивая затвор и выбрасывая тускло блеснувшую на солнце медью гильзу. – Больше не повторится.

– Видали? – повернулся к оцепеневшей толпе начальник. – Так будет с каждым, кто осмелится сделать хоть шаг в сторону. Вопросы есть?

– А как это выглядит в смысле социалистической законности? – хмуро поинтересовался мужчина в черной инженерской тужурке со споротыми петлицами.

– Выглядит согласно мандату, – отрезал очкастый палач. – Вы являетесь врагами советской власти, и я имею право поступать с вами по законам военного времени.

– Даже с теми, кого вы планировали отпустить, разобравшись?

– Со всеми, без исключения.

Больше ни у кого вопросов не нашлось...

* * *

Алеша лежал в темноте на охапке елового лапника и смотрел в небо. Рядом тихонько посапывала Вика, против ожидания не отвергшая покровительства юноши, но молчаливо установившая между ним и собой некий невидимый барьер сразу после того, как немного успокоилась. Молодой человек был рад и этому – сама близость «ледяной красавицы», внезапно показавшей, что ничто человеческое ей не чуждо, будоражила кровь, позволяла представить себя могучим сверхчеловеком из переводных приключенческих романов. Алексею казалось, что он может свернуть горы и повернуть реки вспять ради девушки, которую он знал недавно, но уже был влюблен без памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.